

А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарёв

**ПОСЕЛЕНИЕ VIII–X вв.
ГОРА ЧИРКОВА 1 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
(краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.)**

За последние десятилетия на археологическую карту Таманского полуострова были нанесены десятки поселений «хазарского» времени. Большая часть из них открыта Я. М. Паромовым, по итогам разведочных работ которого (1981–1985 гг.) из 120 обнаруженных средневековых поселений 64 были отнесены к VIII–X вв.¹ [Паромов, 1986, с. 72–75; Паромов, 1989, с. 76–78; Паромов, 2003, с. 161–167, рис. 9; Плетнёва, 2003(1), с. 94].

К сожалению, за редким исключением памятники VIII–X вв. на Таманском полуострове целенаправленно не исследовались и лишь немногие из них были раскопаны широкими площадями. До недавнего времени к таковым можно было отнести лишь такие крупные городские центры, как Фанагория и Таматарха [Блаватский, 1941(1), с. 220; Блаватский, 1941(2), с. 28; Кобылина, 1951, с. 235–236; Кобылина, 1956, с. 96; Кобылина, 1963, с. 97–99, рис. 37, II; Долгоруков, 1975, с. 56–59, рис. 3; Атавин, 1988, с. 22; Атавин, 2009, с. 79–96; Чхаидзе, 2005, с. 443–464; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 393–429; Горлов, Шувалов, 2013, с. 145–146; Голофаст, Ольховский, 2013, с. 55–78; Чхаидзе, 2012б; Абрамзон, Остапенко, 2016, с. 267, рис. 1; 2; 4; Фанагория..., 2015, с. 44, 49;

¹ Хронологические рамки, в пределах которых могли существовать эти поселения, оговариваются в публикациях С. А. Плетнёвой, В. Н. Чхаидзе и В. В. Майко [Плетнёва, 1997, с. 38–51; Майко, 2009, с. 231–234; Чхаидзе, 2012(1), с. 14–19].

Кузнецов, 2016, с. 308–319; Ляпушкин, 1941, с. 191–246; Плетнёва, 1963, с. 5–72; Плетнёва, 2003(1), с. 95–97; Чхаидзе, 2008; Чхаидзе, 2009, с. 295–297; Ильина, Чхаидзе, 2013, с. 154–156; Сударев, Майко, 2015, с. 364–367; Плетнёва, 1981(1), с. 67–68; Плетнёва, 1981(2), с. 15–16, рис. 6; Плетнёва, 1999, с. 139–148; Плетнёва, 2003(2), с. 173–174; Плетнёва, 2003(3), с. 179–183].

Помимо них, горизонты и подводные комплексы «хазарского» времени были исследованы на городищах Кепы и Патрей [Сокольский, 1963(1), с. 110–111, рис. 7, 4; Сокольский, 1965, с. 108, 111–112; Николаева, 1967, с. 100; Чхаидзе, 2006, с. 487–517; Стручалина, 1972, с. 52–55; Чхаидзе, Таскаев, Толстыкин, 2007, с. 34–35; Толстыкин, 2014, с. 64–65; Башкиров, 1949, с. 33–176; Башкиров, 1957, с. 311–383], на Ильичевском городище [Сокольский, 1966, с. 139–140; Николаева, 1981, с. 88, 92], поселении Батарейка I [Сокольский, 1963(2), с. 189–190, рис. 8, 4], Западно-Цукурском поселении [Шелов, 1955, с. 99, рис. 39, 1–2], поселении Веселовка 2 [Горлов, Чхаидзе, 2008, с. 187–195], поселении Вышестеблиевская 11 [Кашаев, 2008(1), с. 58–61; Кашаев, 2008(2), с. 299; Кашаев, 2009, с. 25; Kashaev, 2005, р. 313], поселении у пос. Соленое [Зиливинская, 2016, с. 16] и на некоторых других поселениях, материалы раскопок которых еще не публиковались. С 1998 г. масштабные работы проводятся на поселении Артющенко I (Бугазское), где удалось исследовать 8 полуземлянок, наземную постройку с каменными основаниями стен, сложенными в «елочку», а также несколько хозяйственных ям [Виноградов, 2002, с. 73–81; Виноградов, 2013, с. 239].

В последние годы большие по объему раскопки были проведены на поселении Гора Чиркова 1, расположенном в юго-западной части Таманского полуострова в 3,6 км к северо-востоку от п. Виноградный (северный берег Цокурского лимана) и 3,2 км к югу от п. Приморский (южный берег Таманского залива) (рис. 1).

Ранее памятник был включен в состав другого, более крупного поселения, которому в 1984 г. Я. М. Паромов присвоил название Виноградный 7. На основании данных аэрофотосъемки и границ распространения подъемного материала он установил его площадь в пределах 31 га (1,1×0,4 км) и датировал VI–I вв. до н. э. и X–XIII вв. н. э. [Паромов, 1989, с. 77, пункт 59; Паромов, 1992, с. 144].

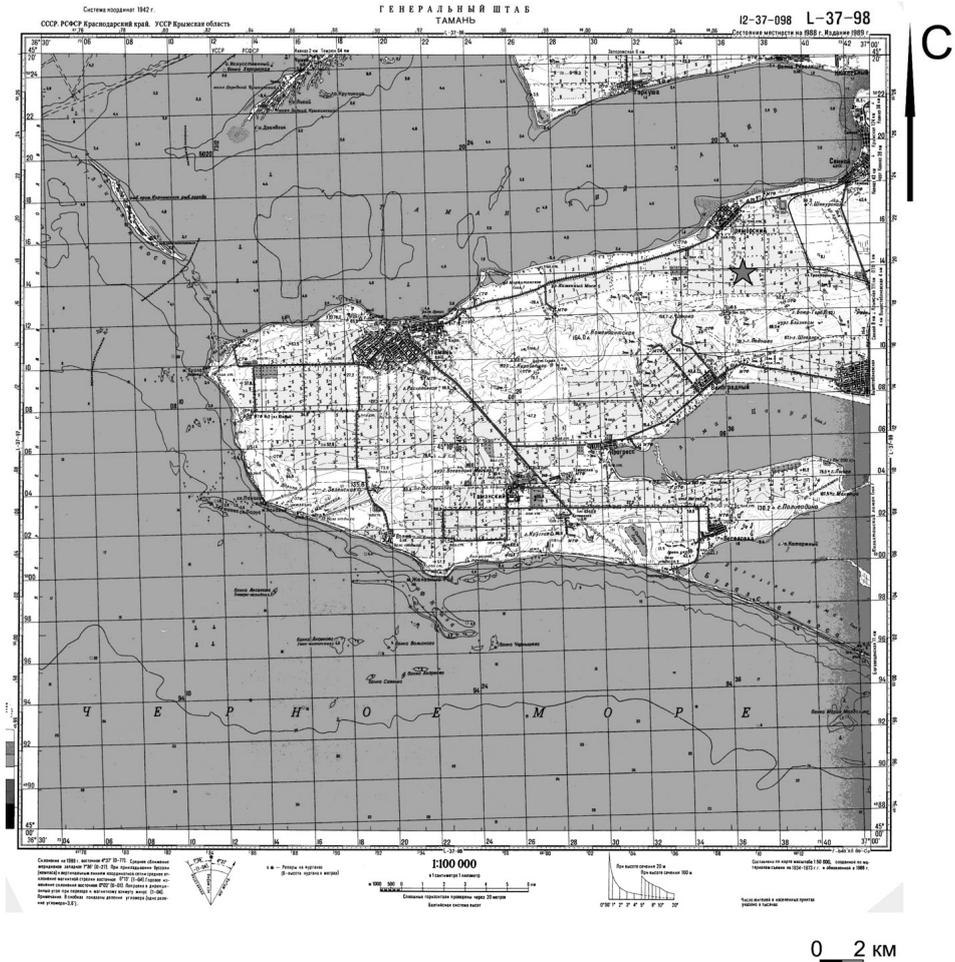


Рис. 1. Топографическая карта Таманского полуострова с обозначением местоположения поселения Гора Чиркова 1.

В 2001 г. на северо-западной окраине поселения отрядом Краснодарской археологической экспедиции Кубанского государственного университета под руководством Н. Ю. Лимберис были заложены два раскопа площадью 256 кв. м. В пределах исследованного участка были зафиксированы два слоя. Нижний слой мощностью

0,2–0,5 м относился к античному времени, немногочисленные находки из него датировались VI–III вв. до н. э. Верхний, более мощный, слой был отнесен к VIII–IX вв. Среди обнаруженной в нем керамики преобладали причерноморские бороздчатые амфоры и салтово-маяцкая столовая и кухонная посуда. Этим же периодом датировались 4 хозяйственные ямы. К числу наиболее поздних находок были отнесены немногочисленные фрагменты тарной керамики, атрибутированные «грушевидным» амфорам с воротничковым венчиком, датирующимся второй половиной X – XI в. [*Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 68–70, класс 43*].

В 2002 г. работы под руководством В. В. Бочкового продолжились к югу и востоку от раскопов, заложенных в 2001 г. На участке площадью 624 кв. м им были открыты остатки трех каменных построек, 7 хозяйственных ям и часть ровика, который, по мнению исследователя, мог окружать жилую часть поселения VIII–IX вв. Этим же временем датировалась и большая часть обнаруженной керамики, включая три целые причерноморские амфоры.

В 2004 г. на участке площадью 580 кв. м И. И. Марченко были выявлены остатки еще трех каменных построек и три хозяйственных ямы. В 2005 г. на участке площадью 580 кв. м В. Ю. Кононов раскопал четыре хозяйственных ямы и открыл новый участок ровика, окружавший поселение. Одновременно к северо-западу от поселения (к югу от пересекающей его железной дороги) им исследовались шесть естественных возвышений. В их пределах было обнаружено 89 погребений и 25 других объектов, большая часть которых относилась ко времени функционирования раннесредневекового поселения.

В 2006 г. раскопки грунтового могильника продолжил В. В. Бочковой, исследовавший еще пять всхолмлений, в которых были открыты 14 погребений и 5 других объектов. Более половины из них датировались VIII–X вв. [*Марченко, Бочковой, Кононов, 2007, с. 151–271; Абрамова, 2015(1), с. 81–88; Абрамова, 2015(2), с. 25–30*]. В отчете о проведенных работах автор впервые обозначил южную границу «средневекового поселения», в пределы которого включил участки, где в 2001–2005 гг. проводились охранные раскопки. Таким образом, это поселение стало рассматриваться как отдельный памятник, хотя его границы и границы поселения Виноградное 7 пролегали практически вплотную друг к другу.

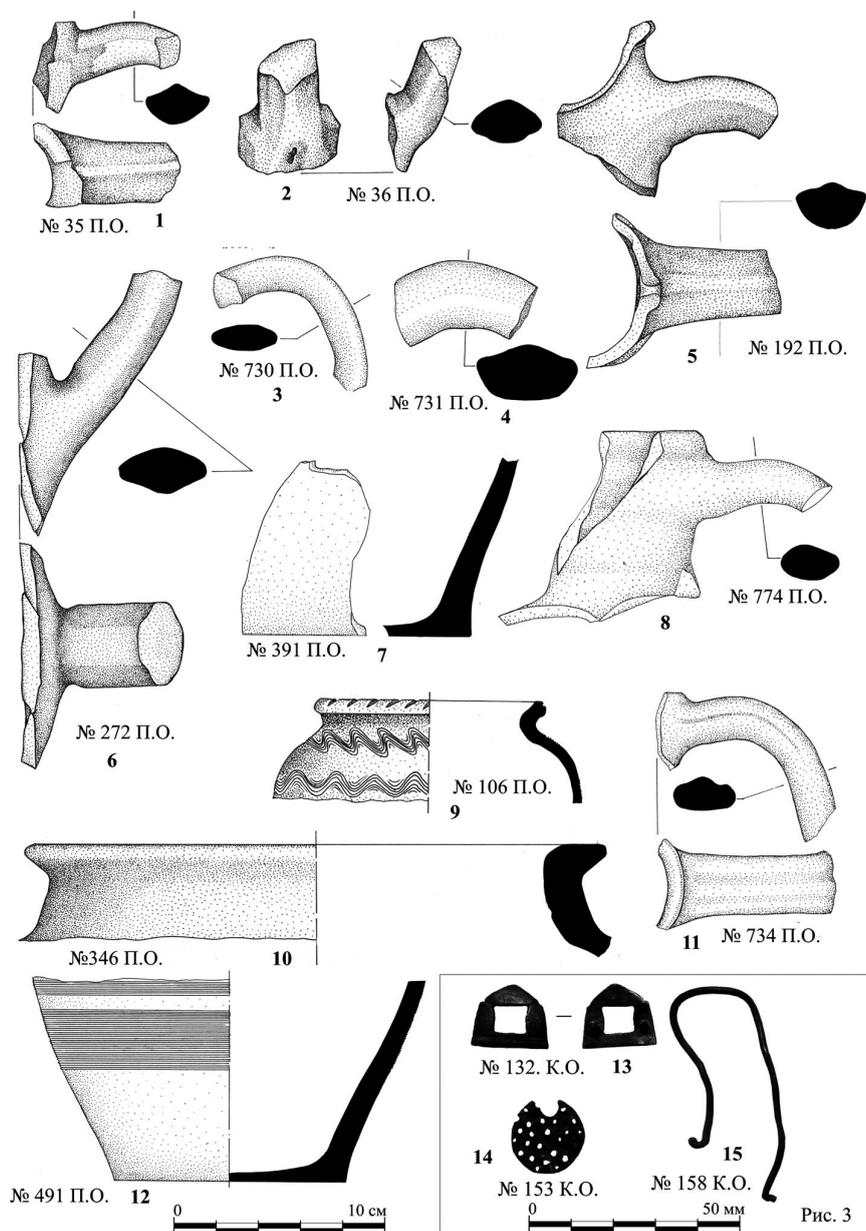


Рис. 3.
Подъемный материал.

В 2011 г. по результатам разведок С. А. Буравлёва (Восточно-Боспорская археологическая экспедиция ИА РАН под руководством Н. И. Сударева) оно было окончательно разделено на два памятника. Соответственно восточной его части площадью 38 га было оставлено прежнее наименование – поселение Виноградный 7, а северо-западную часть площадью 17,72 га (0,60×0,38 км), в пределах которой в 2001–2005 гг. были исследованы жилые и хозяйственные комплексы VIII–X вв., исследователь выделил в самостоятельное поселение Гора Чиркова² [Сударев, Кашаев, 2016, с. 471–473; Супренков, 2016, с. 481–484].

В процессе охранных работ, проведенных на поселении в 2015 г. Керченско-Таманской экспедицией под руководством А. А. Супренкова, в северной его части был заложен раскоп, общая площадь которого составила 25 000 кв. м (320×65 м) (рис. 2).

Перед началом раскопок на обследуемом участке был собран подъемный материал, среди которого преобладала керамика VIII–X вв., представленная обломками причерноморских амфор (рис. 3: 1–6, 8, 11), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 3: 7), ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков, часть которых орнаментирована волнообразным и горизонтальным рифлением (рис. 3: 9, 10, 12).

Индивидуальные находки представлены фрагментами железного крюка с кольцом и неопределенного железного изделия, наконечником ремня (или ременной накладкой) из медного сплава трапезиевидной формы с треугольным навершием и квадратным отверстием (рис. 3: 13), «П»-образной медной проволокой с загнутыми концами (рис. 3: 15) и обломком медной подвески или туалетной ложечки(?) с пробитыми в нем отверстиями (рис. 3: 14) (ср.: [Плетнёва, 1989, с. 100, 105, рис. 55]).

В процессе дальнейших исследований в пределах раскопа были вскрыты культурные напластования, мощность которых варьировалась в пределах 1–2 м. Сверху по всей площади залегал распавший гумусированный суглинок темно-серого оттенка. Его мощность в северной и центральной части раскопа составляла 0,3–0,5 м, а в южной части, где он был перемешан с техногенным слоем железнодорожной насыпи, достигала 0,8 м. Ниже гумусирован-

² Гора Чиркова высотой 158,7 м (координаты 45°13'7"N 36°52'18"E) расположена примерно в 3,5 км к юго-западу от поселения. Прежние ее названия: г. Ассодаг, г. Кирпина, г. Васюринская [Гёри, 1870, с. 254].

ного суглинка залегал плотный суглинок серо-коричневого оттенка, мощность которого в северной части раскопа варьировалась в пределах 0,5–0,6 м, а в южной части – в пределах 0,3–0,5 м. Материковый грунт по всей площади раскопа представлен плотным желто-коричневым суглинком, содержащим большое количество мелких известковых частиц³.

В целом же поселение следует рассматривать как однослойный памятник, поскольку выделенный в пределах его исследованного участка верхний слой гумусированного суглинка сформировался в результате многолетней распашки и, по сути, представлял собой переотложенный и перемешанный с дерном антропогенный пласт нижележащего плотного суглинка серо-коричневого оттенка. Такую модель стратиграфической реконструкции памятника подтверждает и археологический материал, совершенно идентичный для обоих слоев. За исключением немногочисленных находок античного времени, он был представлен преимущественно керамикой, датированной в пределах VIII–X вв. К этому же периоду относится и большинство других находок, среди которых преобладали аксессуары одежды, украшения, предметы быта и орудия труда, изготовленные из железа, медных сплавов, стекла, камня и кости.

В зависимости от функционального назначения, обнаруженная в слоях керамика VIII–X вв. была разделена на тарную, столовую, кухонную и изделия специального назначения.

Среди тарных сосудов абсолютное большинство составляют обломки причерноморских амфор. 3 редким исключением все они относятся к желобчатым (бороздчатым) амфорам с невысоким горлом (высотой 6–7 см) и округлым венчиком, датирующимся второй половиной VIII – X в. (рис. 4: 1–3, 5–7) [Науменко, 2009(1), с. 43–47, тип II]. На памятниках VIII–X вв. Таманского полуострова они составляют одну из наиболее многочисленных категорий находок [Кобылина, 1978, с. 32–34, рис. 2: 2, 3; Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 403–404, рис. 1: 1, 2; Чхаидзе, 2005, с. 446–450, рис. 4–8; Чхаидзе, 2006, рис. 10: 1; Чхаидзе, 2008, с. 144–153; Чхаидзе, 2012, с. 147–156; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 414, рис. 28–33; Голофаст, Ольховский, 2013, с. 65–73, рис. 5; 7; Стручалина, 1972, с. 54].

³ При его зачистке из кротовин извлечены две находки, относящиеся к античному периоду: неопределенная медная монета; серебряная, плакированная золотом, фигурная накладка с рельефным изображением двух животных – хищника и терзаемой им жертвы.

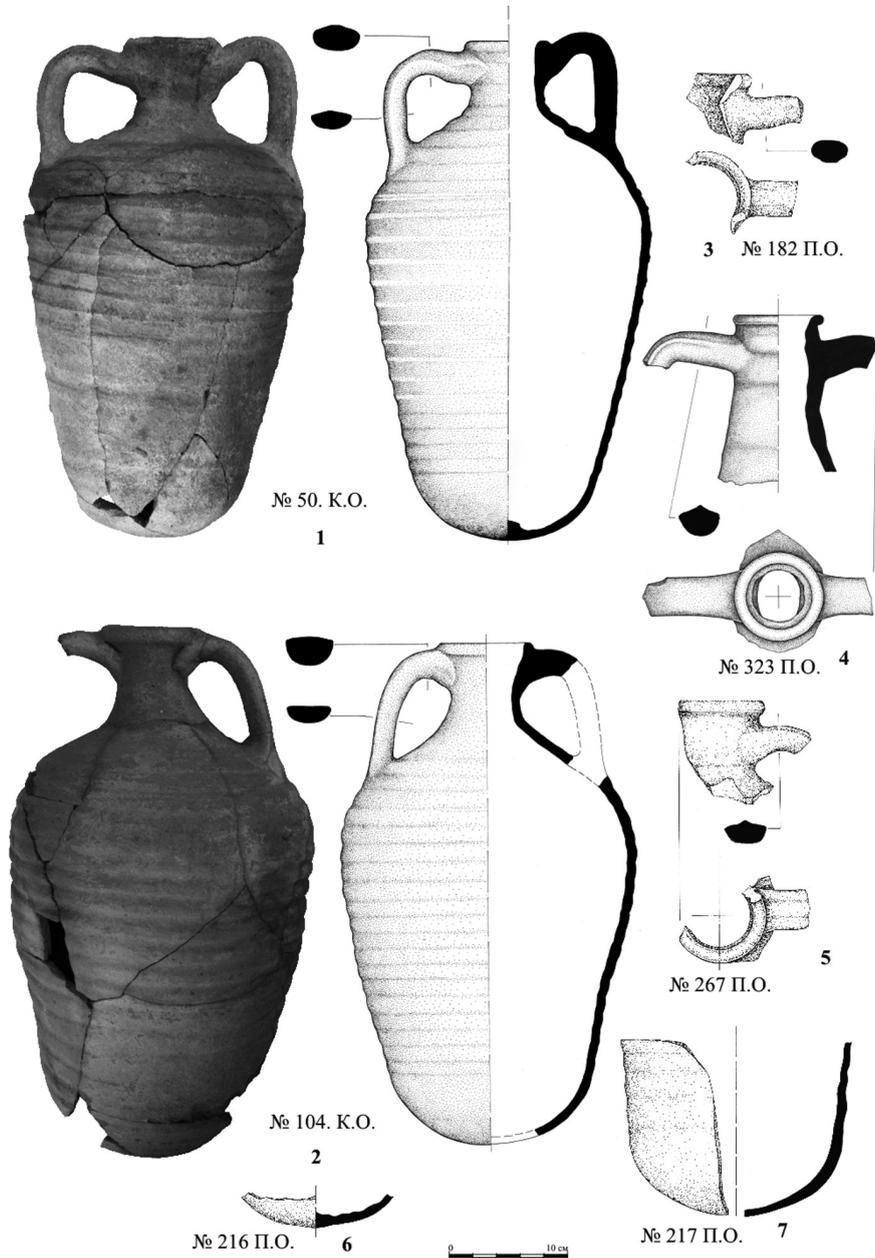


Рис. 4

Рис. 4.
Находки из культурного слоя.

Несколько профильных фрагментов принадлежат крупным слабожелобчатым причерноморским амфорам с высоким коническим горлом и отогнутым валикообразным венчиком (рис. 4: 4). Датируются они, как и причерноморские бороздчатые амфоры, второй половиной VIII – X в., но верхняя граница бытования пока остается дискуссионной [Науменко, 2009(1), с. 47–48, тип III].

Часть обломков стенок атрибутируются причерноморским амфорам с яйцевидным гладким корпусом, украшенным в верхней части мелким зональным рифлением, нанесенным многозубчатым штампом. Наиболее вероятная дата их появления – вторая половина VIII в., но основной период бытования приходится на IX–X вв. [Науменко, 2009(1), с. 39–43, тип I]. На Таманском полуострове, как и в сопредельных с ним регионах, они встречаются гораздо реже, чем причерноморские бороздчатые амфоры [Чхаидзе, 2005, с. 444–446, рис. 1–3; Голофаст, Ольховский, 2013, с. 60–65, рис. 3; 4, 3–5; Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 405–406, рис. 1, 3–9; Чхаидзе, 2012, с. 157–161; Анфимов, 1953, с. 151–154, рис. 52; Зинько, Пономарёв, 1999, с. 193–196; Науменко, 2009(1), с. 42; Лавриненко, 1990, с. 169, рис. 61, 3; Тарабанов, 1993, с. 120–121, рис. 9, д, е], а на Таманском городище они не обнаружены вовсе [Чхаидзе, 2005, с. 446; Чхаидзе, 2008, с. 153].

Помимо амфор, транспортная тара представлена немногочисленными обломками высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 5: 1, 2). На ручке одного из них, нанесены характерные для этого типа сосудов овальные («семечковидные») вдавления [Бгажба, 1977, с. 15, табл. XIII, 1–5, 7; Зинько, Пономарёв, 2009, рис. 114; 158; 159]. Датируются они не ранее второй половины (третьей четверти или конца) IX в. [Науменко, 2009(2), с. 54–57]. На Таманском полуострове высокогорлые кувшины найдены преимущественно при раскопках Фанагории и Таматархи [Кобылина, 1978, рис. 2, 4; Чхаидзе, 2008, с. 161–173; Кузнецова, Голофаст, 2010, рис. 31, 1; Чхаидзе, 2012(2), с. 162–166].

К числу тарных сосудов относятся также двуручные фляги, изготовлявшиеся на Южном берегу Крыма в VIII – первой половине X в. (рис. 5: 7) [Науменко, 2009(3), с. 58–60]. На Таманском полуострове их находки зафиксированы при раскопках Таматархи и Фанагории [Чхаидзе, 2008, с. 205–206, рис. 119: 1, 2; Атавин, 1988, с. 22].

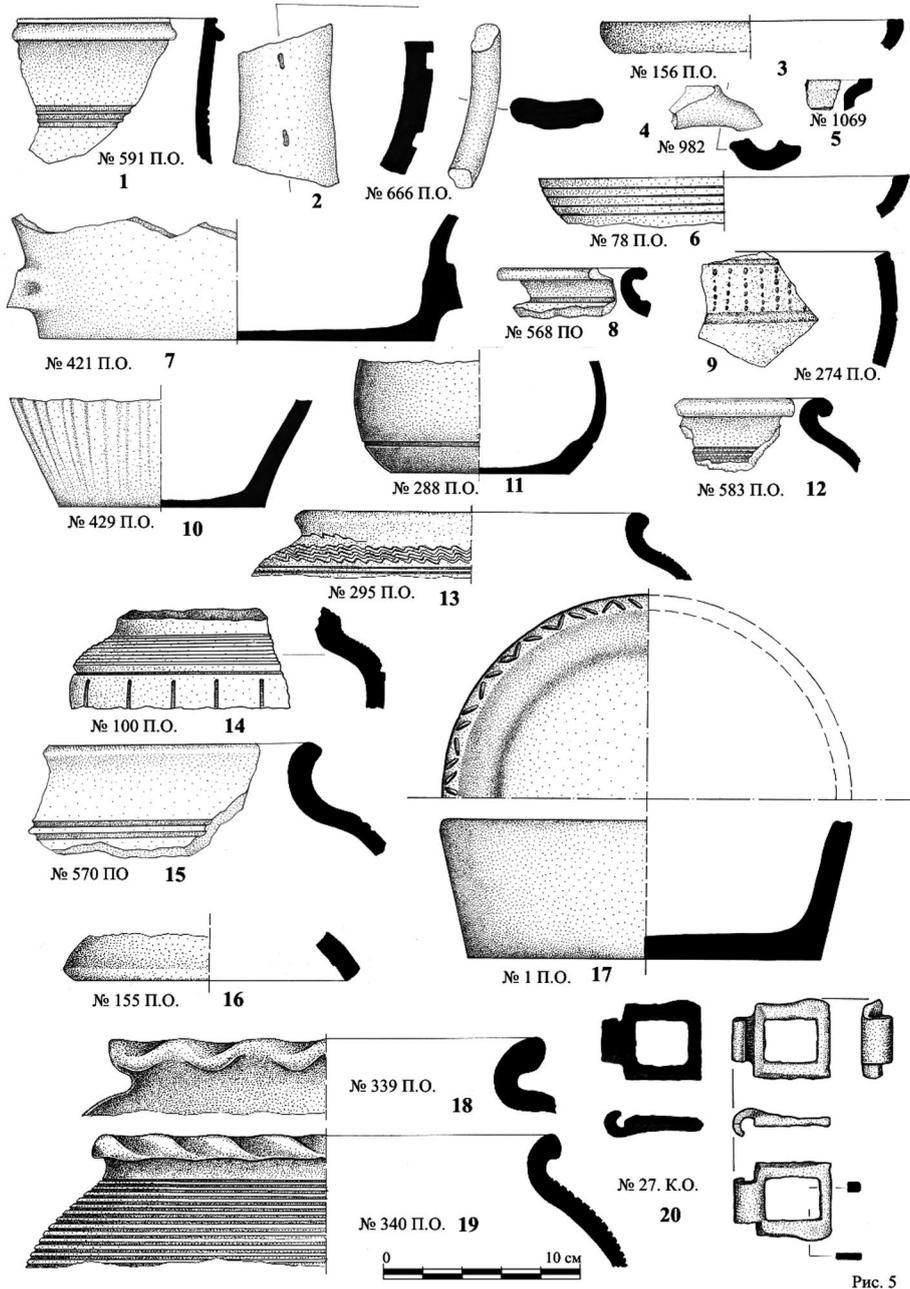


Рис. 5

Рис. 5.
Находки из культурного слоя.

Столовая посуда, произведенная в гончарных центрах Крыма, представлена в основном кувшинами (ойнохоями) скалистинского типа, которые в VIII–X вв. получили широкое распространение в Крыму и за его пределами, в том числе и на Таманском полуострове (рис. 5: 4, 5) [Науменко, 2009(4), с. 60–63; Сорокина, 1969, рис. 1, 7; Долгоруков, 1975, с. 57, рис. 1, 2; Кобылина, 1978, с. 32, рис. 2: 1; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 416, 418, рис. 33: 1, 2; Чхаидзе, 2011, с. 124–125, рис. 10: 1; Чхаидзе, 2012(2), с. 173–174].

К этой же группе относятся немногочисленные фрагменты красноглиняных мисок, структура формовочной массы которых позволяет с уверенностью отнести их к продукции крымских гончарных центров VIII–X вв. [Науменко, 2009(4), с. 64]. Одна из них была украшена горизонтальными врезными линиями, аналогий ей найти не удалось (рис. 5: 6). Вторая – неорнаментированная миска, по размеру и форме венчика идентичная миске, найденной в одной из хозяйственных ям на городище Тиритака (рис. 5: 3) [Науменко, 2009(4), с. 64, рис. 81: 5].

Остальная столовая керамика представлена, преимущественно, фрагментами салтово-маяцких сероглиняных кувшинов и кубышек(?), украшенных вертикальными полосами лощения, горизонтальными и вертикальными желобками (рис. 5: 10, 11, 14). Один из неатрибутированных лощеных сосудов изготовлен из глины, приобретшей после обжига оранжевый оттенок, и орнаментирован двумя горизонтальными желобками и вдавлениями, нанесенными многозубчатым штампом (рис. 5: 9). Такая посуда, причем самых разнообразных форм, получила широкое распространение на памятниках всего ареала салтово-маяцкой культуры, в том числе и на Таманском полуострове [Флёров, 1981, с. 170–181; Шелов, 1955, с. 99, рис. 39: 1; Сокольский, 1963(1), с. 189–190, рис. 8: 4; Атавин, 1992, с. 174; Сударев, 1994, с. 115; Чхаидзе, 2006, рис. 10: 8–13; Чхаидзе, 2008, с. 194–199; Чхаидзе, 2012(2), с. 174–186; Виноградов, 2002, с. 76–80; Сударев, Майко, 2015, с. 365, рис. 4: 2; Майко, 2013, с. 267–268]. К сожалению, как и вся остальная салтово-маяцкая керамика, она не имеет узких рамок бытования и датируется VIII–X вв. [Плетнёва, 1967, с. 114–115; Флёров, 1983, с. 103–108; Сазанов, 1998, с. 57].

Нелощеная салтово-маяцкая столовая посуда представлена оранжевоглиняной миской диаметром 21 см, изготовленной на руч-

ном гончарном круге из формовочной массы с примесью дробленых ракушек и кварцевого песка, поверхность которой после обжига приняла оранжевый оттенок. Ее край профилирован по верхней плоскости желобком и украшен «семечкообразными» вдавлениями, нанесенными под углом друг к другу (рис. 5: 17). Такие же по форме конические миски найдены в слоях VIII–X вв. Таматархи и на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова, но они отличались оттенком формовочной массы, размерами и профилировкой края, который к тому же украшался не только «семечковидными» вдавлениями, но и оттисками многозубчатого штампа [Плетнёва, 1963, рис. 26: 5; Пономарёв, 2003, рис. 8, 9; Зинько, Пономарёв, 2009, с. 67, рис. 197: 1].

Среди кухонной салтово-маяцкой керамики преобладали горшки (рис. 5: 8, 12, 13, 15). Обычно их относят к кухонной посуде, однако, судя по тому, что на некоторых из них отсутствуют следы печного нагара и копоти, использовались они не только для приготовления пищи, но и для хранения продуктов и подачи пищи на стол. Все горшки изготовлены на ручном гончарном круге, но на различных этапах развития его функций [Бобринский, 1978, с. 27]. Среди характерных для них технологических приемов следует отметить разнообразие отощителей, использованных при замесе формовочной массы. В качестве непластичных добавок, призванных уменьшить чувствительность глины к сушке и обжигу, использовали толченые раковины морских моллюсков, мелкий и крупный кварцевый песок, известняк и другие карбонатные породы, железистые минералы и шамот. Большинство горшков обожжено в окислительно-восстановительной среде, в результате чего их поверхность приобрела темно-красный (бордовый), серый и темно-коричневый оттенки. Гораздо реже встречаются сосуды, обожженные в окислительной среде, благодаря чему их поверхность приобрела кирпично-красный или светло-коричневый оттенки. К сожалению, классифицировать горшки по всей совокупности морфологических признаков, включая соотношение высот и диаметров, не представляется возможным, поскольку за редким исключением все они найдены в виде небольших обломков. Тем не менее есть все основания утверждать, что среди них преобладали шаровидные горшки и невысокие горшки яйцевидной формы. В большинстве своем они имели высокое или низкое раструбовидное горло. У некоторых

горшков плечики сразу же переходят в венчик. И те, и другие демонстрируют большое разнообразие форм венчика – от массивных, сильно загнутых или оттянутых наружу (по горизонтальной плоскости или к низу), округлых или подтреугольных в сечении до плоско-срезанных, заостренных, «клювовидных», слегка закругленных или с утолщением по внешнему и внутреннему краю. Тулово некоторых из них украшено сплошным или зональным горизонтальным, волнистым или горизонтально-волнистым рифлением, а венчики иногда декорированы вдавлениями и наколками, нанесенными простыми (незубчатыми) орнаментами и многозубчатыми штампами.

Таким образом, по своим основным морфологическим показателям, включая большое разнообразие формы венчиков, горшки с поселения Гора Чиркова 1 практически ничем не отличаются от горшков, обнаруженных на салтово-маяцких поселениях и городищах Юго-Восточного Крыма, Керченского и Таманского полуострова, Приазовья, Нижнего и Среднего Подонья и Правобережья Кубани [Майко, 2000, рис. 8–10; Майко, 2012, с. 79–93; Плетнёва, 1963, с. 20–22, рис. 11, 12; Плетнёва, 1967, с. 106–108; Пономарёв, 2014(1), с. 239–276; Тарабанов, 1993, рис. 2].

Некоторые из горшков с внутренней стороны имели небольшую полочку для установки конических крышек с выступом-ручкой. К сожалению, как и на других салтово-маяцких памятниках [Колода, 2001, с. 225, рис. 6, 9; Кравченко, Давыденко, 2001, рис. 19: 3, 4; Кравченко, 2004, с. 266, рис. 13: 3, 4; Майко, 2000, с. 109; Майко, 2004, с. 198; Пономарёв, Пономарёва, 2010, с. 461–462, рис. 3, 7, 8; Пономарёв, 2014(1), рис. 10: 5–8], на поселении Гора Чиркова 1 они представлены единичными фрагментами, включая обломок крышки диаметром 14 см, который был найден в слое гумусированного суглинка темно-серого оттенка (рис. 5: 16).

Кроме того, на поселении в небольшом количестве были найдены толстостенные пифосообразные горшки яйцевидной формы с массивным отогнутым наружу округлым венчиком, украшенным пальцевыми защипами или деформированным в виде «перевитого жгута» (рис. 5: 18, 19). Использовались они для приготовления пищи и хранения жидких и сыпучих продуктов. Как и кухонные горшки, они встречаются в пределах всего ареала салтово-маяцкой культуры, в том числе на городищах, поселениях и гончарно-ремеслен-

ных центрах бассейна Северского Донца и Дона, Северного Приазовья и Крыма (см.: [Зинько, Пономарёв, 2009, с. 67; Пономарёв, 2014(1), рис. 1: 1, 2]). Обнаружены они и на поселениях VIII–X вв. Таманского полуострова, Правобережной Кубани, степного Предкавказья и Северного Кавказа, причем И. И. Ляпушкин выделил их в один из основных типов керамики, характерных для «хазарского» периода Таманского городища [Ляпушкин, 1941, с. 207–208, табл. III, 1; Плетнёва, 1963, с. 59, рис. 36: 1–5; Сударев, Майко, 2015, с. 366, рис. 4, 6; Кузнецов, Голофаст, 2010, рис. 33: 4; Тарабанов, 1993, с. 121, рис. 6: а–г; Тарабанов, 1997, рис. 2, 5, 8, 11; Гадло, 1975, с. 65; Биджиев, 1979, с. 45, рис. 10; Биджиев, Гадло, 1979, рис. 13: 3; Биджиев, Соголайнен, 1982, с. 114, рис. 1; Биджиев, 1989, с. 40, рис. 33].

Помимо фрагментированной керамики, в культурном слое были обнаружены и другие, обычные для салтово-маяцких поселений находки, в том числе аксессуары одежды, украшения, орудия труда и разнообразные предметы быта.

Изделия из медных сплавов представлены серьгой из плоской проволоки, двумя ременными накладками и неопределенными изделиями, в том числе предметом сферической формы. Отметим также фрагмент неопределенного свинцового изделия.

Гораздо более многочисленны изделия из железа, среди которых можно упомянуть пряжку с прямоугольным щитком (рис. 5: 20), иглы и шилья, гвозди, прямоугольную накладку с отверстиями по углам, фрагмент крюка, фрагмент ножа с ободком-обоймой (перекрестием) на месте перехода клинка к черешку [Михеев, Степанська, Фомін, 1973, с. 92–93, рис. 3, тип 4, группа А; Богаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 128–130, тип IV, рис. 31: 9; Колода, 2011, рис. 3: 1, 2; Зинько, Пономарёв, 2009, с. 74, рис. 198: 2], наконечники стрел и наконечник копья с коротким треугольным пером и длинной замкнутой втулкой с боковыми упорами.

Остальные находки представлены двумя пирамидальными ткацкими грузилами, «крышкой» размерами 3,5×3,0 см, изготовленной из стенки сероглиняного лощеного сосуда с волнообразным орнаментом⁴, керамической бусиной, украшенной рельефным орнамен-

⁴ Такие изделия иногда атрибутируют как «фишки» для игры или «фишки», но без акцента на функцию изделия [Высотская, 1995, с. 49; Стадник О. В., Стадник А. И., 2009, с. 82; Нидзельницкая, Кулаков, 2013, с. 42; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 247, рис. 13: 7–11].

том, фрагментом оплавленной стеклянной бусины, нижней плитой и обломками верхних плит ротационных известняковых жерновов, костями животных и фрагментами печины.

В ходе археологических работ в западной и центральной части раскопа были исследованы пять разновременных грунтовых погребений (четыре из них эпохи бронзы) и 97 других объектов, представлявших собой различные по форме и размеру ямы и котлованы. Судя по той глубине, на которую они сохранились, практически все ямы были впущены с уровня гумусированного суглинка темно-серого оттенка, который на протяжении многих лет подвергался распашке. В восточной части раскопа площадью более 877 кв. м. никаких археологических объектов выявлено не было. Иными словами, можно допустить, что примерно где-то здесь и пролегал восточная граница поселения.

Что же касается ям и котлованов, в их размещении не прослеживалось четкой и организованной структуры, но при этом, случайно или нет, они сформировали четыре компактные группы, располагавшиеся на расстоянии от 23 до 50 м друг от друга.

Группа 1, состоящая из 11 ям (№ 33, 34, 35, 36, 37, 38, 87, 88, 89, 90, 91) зафиксирована в северо-западном углу раскопа и занимает площадь размерами 35×35 м. В 27 м к востоку от нее расположена наиболее многочисленная группа 2, в которую включена 41 яма (№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 85, 86), охватывавшая площадь размерами 40×35 м. В 23 м к востоку от нее выделена группа 3, состоящая из 13 ям (№ 1, 2, 3, 32, 80, 81, 82, 83, 84, 79, 93, 94, 95), которые были вытянуты в направлении ЮЗ–СВ. Занимаемая ими площадь составляет 78×13 м. И, наконец, группа 4, состоявшая из 32 ям (№ 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 96, 97, 98), занимала площадь размерами 60×70 м и находилась в 50 м к востоку от группы 3.

Таким образом, в отличие от участков, исследованных в 2002 и 2004 гг., где были раскопаны остатки каменных фундаментов шести наземных построек, ни одного жилого комплекса в этой части поселения обнаружить не удалось. Здесь размещались исключительно объекты хозяйственного назначения. Что же касается их функционального назначения, установить его очень сложно, тем более, за редким исключением, все они были частично разрушены

плантажным плугом, а некоторые ямы оплыли и утратили свою первоначальную форму. Тем не менее, за исключением аморфных в плане естественных углублений, большую часть из них можно интерпретировать как хозяйственные ямы, которые использовались для хранения урожая зерновых культур. В зависимости от формы придонной части их можно разделить на пять типов.

Тип 1. Округлые и овальные в плане ямы с вертикальными или слегка сужающимися ко дну стенками.

Тип 2. Округлые и овальные в плане ямы с расширяющимися ко дну стенками, за счет чего в разрезе они имеют трапециевидную или колоколовидную форму.

Тип 3. Округлые в плане ямы с вертикальными стенками в верхней части и «подбоями» в придонной части, придающими им на этом уровне трапециевидную или колоколовидную форму.

Тип 4. Округлые в плане ямы, противоположные борта которых в придонной части сужаются и расширяются по направлению ко дну.

Тип 5. Округлые в плане ямы с вертикальными и расширяющимися ко дну противоположными стенками в придонной части (ср.: [Зинько, Пономарёв, 2009, рис. 68: 1; Нидзельницкая, Кулаков, 2013, рис. 9: 1; 10: 2]).

При этом, как и на многих других салтово-маяцких поселениях, преобладали ямы типов 1–3 [Нидзельницкая, Кулаков, 2013, с. 15, рис. 5–10; Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 100–104, рис. 1–4; Зинько, Пономарёв, 2009, рис. 48, 63, 68, 75, 77, 78; Апареева, Красильников, 2011, с. 190; Стадник О. В., Стадник А. И., 2009, рис. 3].

На последнем этапе функционирования хозяйственных ям, судя по характеру заполнявшего их грунта, а также обилию фрагментированной керамики и других находок, многие из них были превращены в обычные свалки бытового мусора и золы. В заполнении таких ям найдены многочисленные фрагменты керамики (причерноморских амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, ойнохой скалистинского типа, салтово-маяцкой лощеной и нелощеной посуды), обломки стеклянной посуды (рюмок и бокалов оливково-зеленого и изумрудно-зеленого оттенков типа II и вариантов 1–1; 2–1 по классификации Е. В. Веймарна и А. И. Айбабина) [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 194–195], хозяйственно-бытовые изделия, орудия труда, кости животных, бесформенные куски печины и частицы древесного угля.

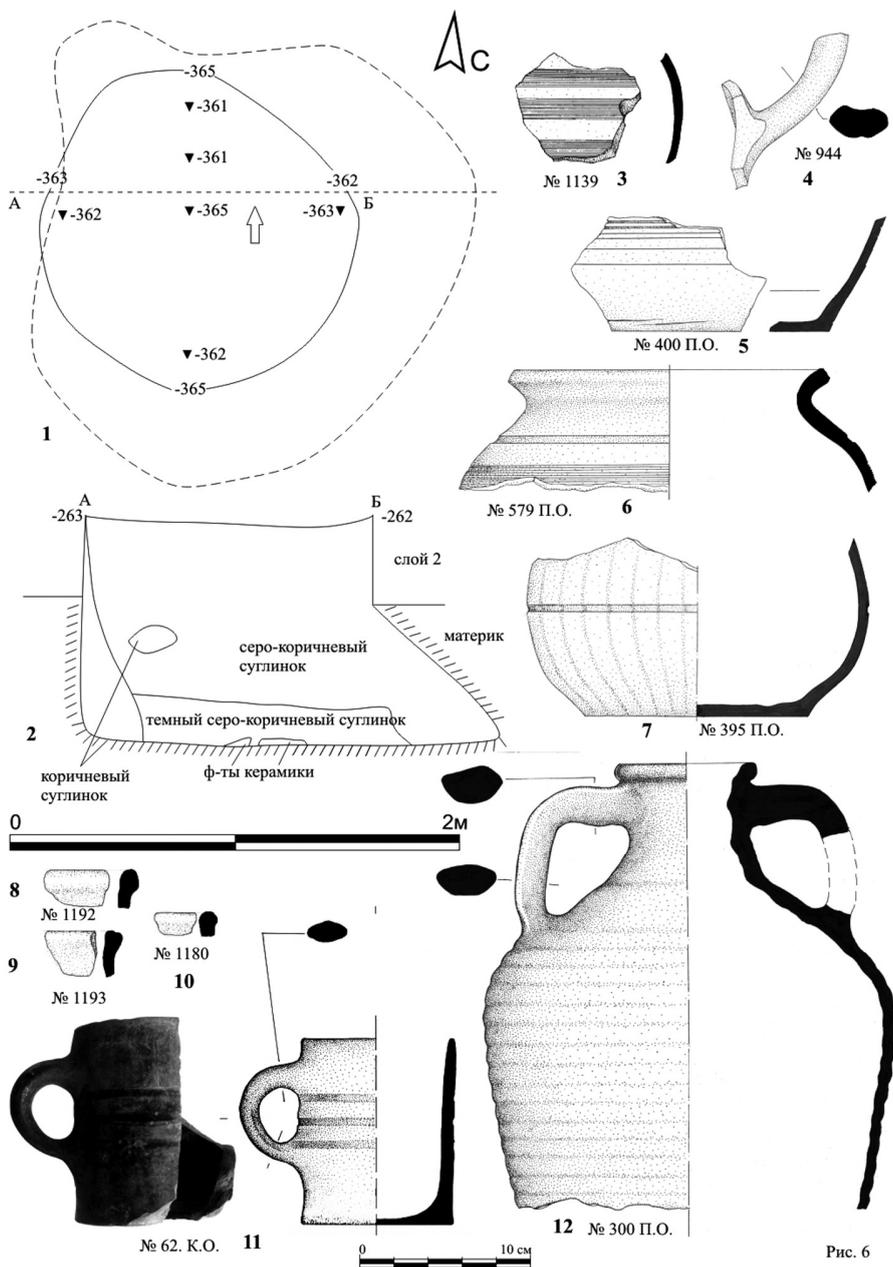


Рис. 6.
Яма 56. План, разрез и находки из заполнения.

Подробно все ямы будут рассмотрены позднее в отдельных публикациях, а в данной статье в качестве примера приведем подробное описание лишь одной из них – ямы 56. В плане она имеет округлую форму, в разрезе – трапецевидную. Диаметр ямы на верхнем сохранившемся уровне – 1,4 м, на уровне дна – 2,14 м. Сохранилась она на глубину 0,99–1,03 м и была заполнена однородным суглинком серо-коричневого оттенка. На дне в центральной и восточной части ямы прослежена прослойка более темного серо-коричневого суглинка мощностью 0,01–0,20 м. Вдоль западной стенки зафиксирована вертикальная прослойка коричневого суглинка мощностью 0,12–0,60 м (рис. 6: 1, 2).

В заполнении найдены верхняя часть и профильные фрагменты причерноморских бороздчатых амфор (рис. 6: 4, 8, 9, 12), сероглиняная лощеная кружка с петлевидной ручкой (рис. 6: 11)⁵, фрагмент сероглиняного лощеного кувшина с вытянутым носиком-сливом, нижняя часть сероглиняного кувшина, украшенного вертикальными полосами лощения (рис. 6: 7), профильные фрагменты салтово-маяцких горшков (рис. 6: 3, 5, 6, 10), а также 89 стенок причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 135 стенок салтово-маяцких горшков (50 из них орнаментированы горизонтальным рифлением), фрагмент стеклянного сосуда изумрудно-зеленого оттенка, 10 фрагментов неопределенных железных изделий и 48 костей животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

Среди обычных ям, которые на последнем этапе функционирования использовались для сброса бытового мусора и золы, были обнаружены заброшенные и частично засыпанные хозяйственные ямы, в которых совершали ритуальные жертвоприношения людей и животных. К числу таких необычных объектов относится яма 1 с компактным скоплением отдельных костей лошади и яма 59 с захоронением ребенка. Еще одно жертвоприношение, зафиксированное в виде компактного скопления разрозненных костей мужчины, было совершено в яме 62, но она, судя по всему, была вырыта для этой цели специально.

⁵ Аналогий ей найти пока не удалось. Для салтово-маяцкой культуры, по крайней мере – для населения верховий Северского Донца и Дона более известен совершенно иной морфологический тип кружек – с широким, цилиндрическим или расширяющимся кверху горлом, приземистым и раздутым туловом, зооморфной или петлевидной ручкой [Шрамко, 1959, с. 254; Плетнёва, 1973, с. 205–211; Плетнёва, 1989, с. 123; Свистун, 2016, с. 7–8, рис. 2].

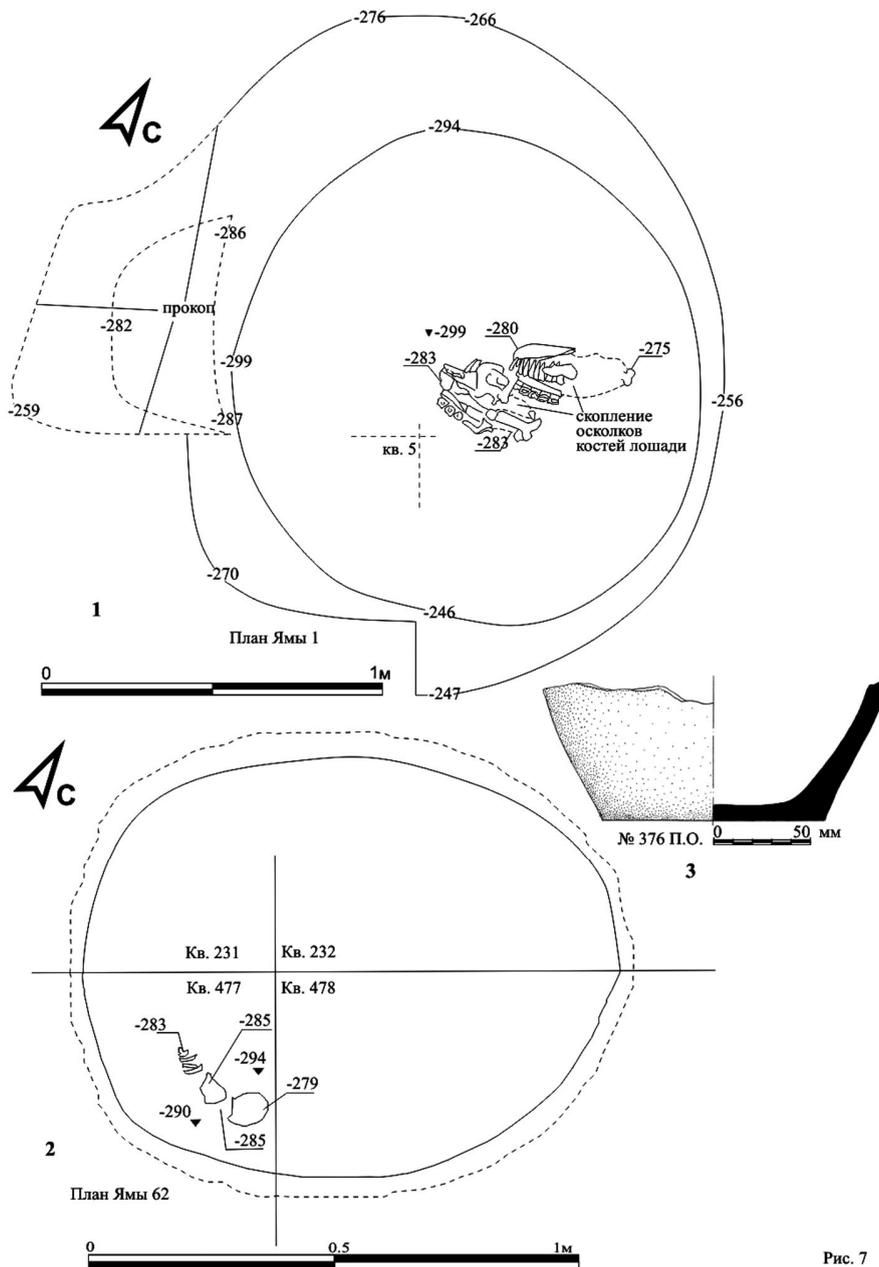


Рис. 7

Рис. 7.

1 – Яма 1. План; 2–3 – Яма 62. План и находки из заполнения.

Яма 1 имеет в плане форму, приближенную к овалу, в разрезе, за счет сужающихся к низу бортов, трапециевидную форму. Соответственно на верхнем прослеженном уровне ее размеры составляют 1,8×2,0 м, а на уровне дна – 1,5×1,4 м. Сохранилась яма на глубину до 0,3 м и заполнена однородным серо-коричневым суглинком более темного оттенка, чем слой, в который она была впущена.

В северо-восточной ее части на глубине 0,15 м было совершено ритуальное жертвоприношение головы и части туши лошади, расчищенное в виде компактного скопления отдельных костей и челюсти (рис. 7: 1). Помимо них, в заполнении ямы найдены 13 стенок причерноморских бороздчатых амфор второй половины VIII – X в. и столовых красноглиняных сосудов, а также 5 стенок салтово-маяцких горшков и два бесформенных куска печени.

В 120 м к северо-востоку от ямы 1 обнаружена яма 59. В плане она имеет округлую форму, в разрезе – трапециевидную. Диаметр ямы на верхнем прослеженном уровне – 1,4 м, на уровне дна – 2,2 м. Сохранилась она на глубину 1,0 м и заполнена суглинком серо-коричневого оттенка. В нижней части ямы и на ее дне зафиксированы горизонтальные линзы мощностью 0,02–0,08 м, сформированные частицами древесного угля, листовым гумусом и золой (рис. 8: 1, 2).

На глубине 0,61–0,72 м, т. е. когда яму уже частично засыпали, в ней было совершено ритуальное погребение ребенка, уложенного на левом боку в скорченном положении головой на северо-восток. Нижние его конечности согнуты в коленных суставах. Правая верхняя конечность согнута в локтевом суставе, при этом кисть находилась под челюстью. Левая верхняя конечность вытянута вдоль туловища. Каких-либо находок при зачистке скелета обнаружено не было.

В заполнении ямы найдены три фрагментированные причерноморские бороздчатые амфоры (рис. 8: 3–5) [Науменко, 2009(1), с. 43–47, тип II], профильные фрагменты причерноморских амфор, обломок высокогорлого кувшина с плоской ручкой, украшенного в верхней части тулова горизонтальным рифлением (рис. 8: 7), профильные фрагменты ойнохои скалистинского типа, оранжевоглиняных столовых сосудов, салтово-маяцких горшков (рис. 8: 6, 8–11), оранжевоглиняной крышки диаметром 10 см, а также 169 стенок и обломков дниц причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 7 стенок сероглиняных лощеных сосудов и 304 стенки салтово-маяцких горшков, значительная часть которых (108 стенок) была орнаментирована горизонтальным рифлением.

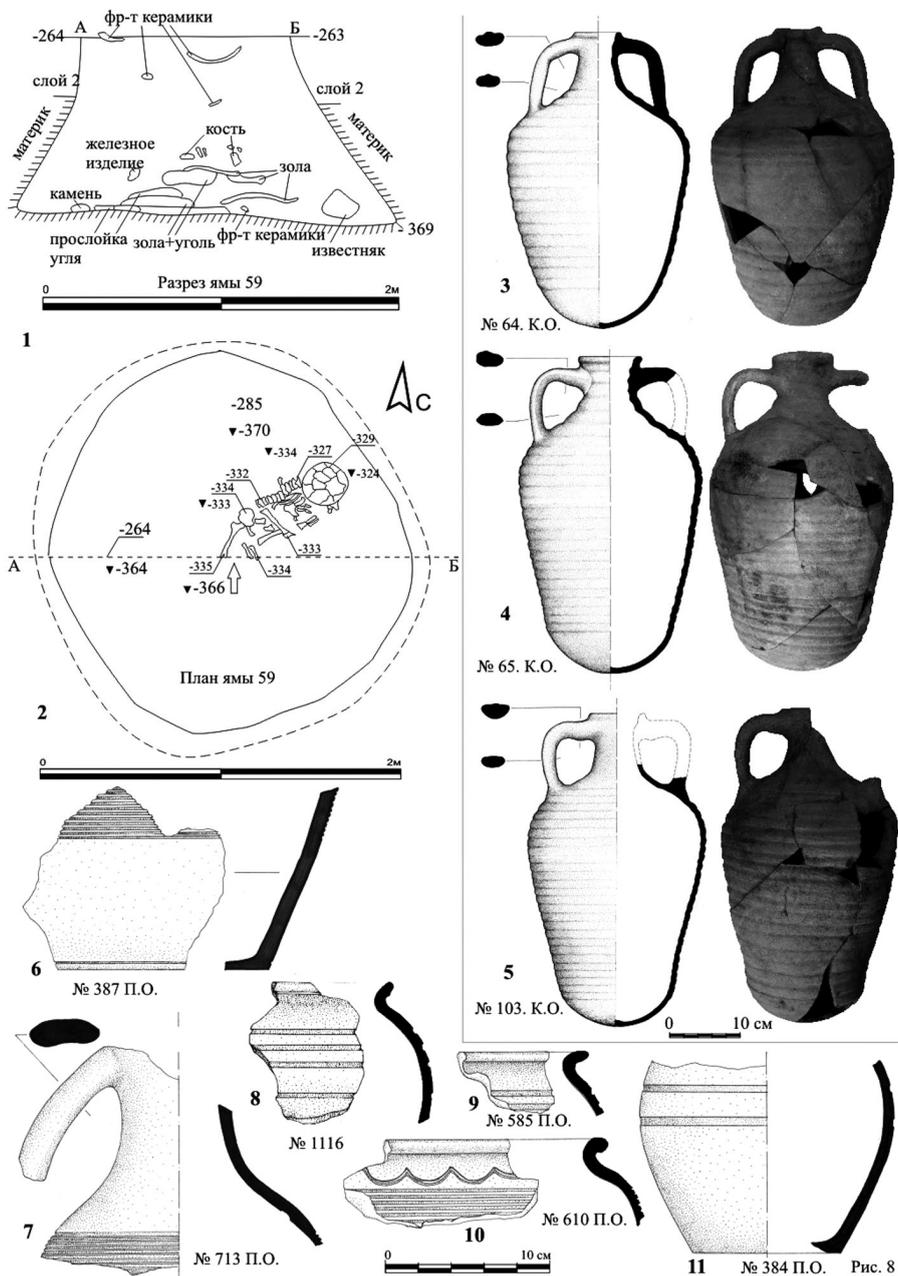


Рис. 8.

Яма 59. План, разрез и находки из заполнения.

Помимо фрагментированной керамики в яме были обнаружены три дисковидных пряслица, изготовленных из камня и хорошо обожженной глины, обломок пирамидального абразива из песчаника⁶, заостренный железный предмет, 31 фрагмент неопределенных коррозированных железных изделий, 14 бесформенных кусков пещины и 50 костей животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

Благодаря находке фрагмента высокогорлого кувшина с плоской ручкой время совершения ритуального захоронения можно ограничить в пределах второй половины (третьей четверти или конца) IX – первой половины X в. [*Науменко, 2009(2)*, с. 54–57].

В центральной части раскопа в 17,5 м к северо-западу от ямы 59 была обнаружена яма 62. Пятно ее заполнения размерами 0,8×1,1 м выявлено на глубине 1,4 м в материковом плотном желто-коричневом суглинке. В плане она имеет овальную форму, в разрезе – прямоугольную. В отличие от большинства других ям она сохранилась на всю глубину, достигавшую 0,2 м. Сверху ее перекрывала куполообразная насыпь высотой 0,2 м, сформированная серо-коричневым суглинком с включением светло-коричневого суглинка и частиц древесного угля.

На уровне горловины в юго-западной части ямы под тонкой прослойкой золы, древесного угля и крошки пещины были зафиксированы остатки ритуального жертвоприношения частей тела мужчины(?), сохранившегося в виде локального скопления диафизов бедренных и берцовых костей, диафизов правой локтевой и лучевой кости, двух ребер и фрагментов черепа (*рис. 7: 2*). Ниже яму заполнял серо-коричневый суглинок с примесью золы, в котором был найден фрагмент придонной части салтово-маяцкого оранжевоглиняного лощеного сосуда (*рис. 7: 3*).

Отдельные ямы и котлованы из-за необычных находок атрибутировать гораздо сложнее. Среди таких объектов выделяется яма 21 диаметром 2,0 м, сохранившаяся на глубину до 0,4 м. На дне ямы расчищена очажная конструкция, размерами 1,0×0,9 м, занимавшая более половины площади. В плане она имела прямоугольную либо овальную форму и была сложена из саманного кир-

⁶ Подобного рода абразивы использовались не только для заточки железных изделий, но и для обработки поверхности изделий из дерева и кости [*Шрамко, 1973*, с. 43–44; ср.: *Тесленко, Телиженко, 2015*, с. 216, рис. 46: 1].

пича, уложенного в один слой. Ниже подошвы очага залегал суглинистый слой угольно-черного оттенка, смешанный с большим количеством древесного угля и золы, мощностью 0,20–0,35 м (рис. 9: 1). В заполнении ямы были найдены профильные фрагменты красноглиняного кувшина, салтово-маяцкого толстостенного горшка, венчик которого деформирован в виде «скрученного жгута» (рис. 9: 4), салтово-маяцких горшков (рис. 9: 2–3, 5–8), а также 5 стенок причерноморских амфор и столовой красноглиняной посуды, 33 стенки салтово-маяцких горшков (три из них орнаментированы горизонтальным рифлением) и 54 куски печины. Учитывая размеры очага и свободного пространства вокруг него, интерпретировать эту яму как жилое помещение не представляется возможным, соответственно определить ее функциональное назначение не удалось.

Некоторые объекты, в том числе яма 10 размерами 3,0×2,0 м и котлован 73 размерами 7,5×3,5 м и глубиной не менее 0,4–0,6 м напоминают оплывшие котлованы полуземлянок.

К их числу относится и яма 57, диаметр которой составлял 2,4 м, а глубина достигала 1,2 м. В плане она имела округлую форму, в разрезе – прямоугольную. В заполнении прослежено несколько слоев и прослоек. Снизу залегал слой коричневого суглинка мощностью 0,5 м. Его последовательно перекрывали слои золистого серого суглинка мощностью 0,1 м, коричневого суглинка мощностью 0,2–0,4 м, золистого серого грунта толщиной 0,2 м и коричневого суглинка мощностью 0,4 м (рис. 10: 1, 2).

В заполнении на глубине 1,0 м найдена нижняя плита известнякового ротационного жернова с круглым отверстием по центру для опорного веретена. Еще две верхние плиты жерновов обнаружены на дне ямы. На верхней плоскости одной из них вырублены два углубления для махового штока или ручки-рычага, при помощи которых жернову придавалось вращательное движение. В центре нижней плоскости вырублено прямоугольное углубление для железного или деревянного подпятника-порхлицы (рис. 10: 3). На верхней плоскости второй плиты высверлено круглое отверстие с конусовидным в разрезе приемником для загрузки зерна, окруженным невысоким валиком. Сбоку, на трапециевидном выступе, вырублено углубление для махового штока или ручки-рычага (рис. 10: 4) (ср.: [Гайдукевич, 1952, с. 50, 131, рис. 55, 56]).

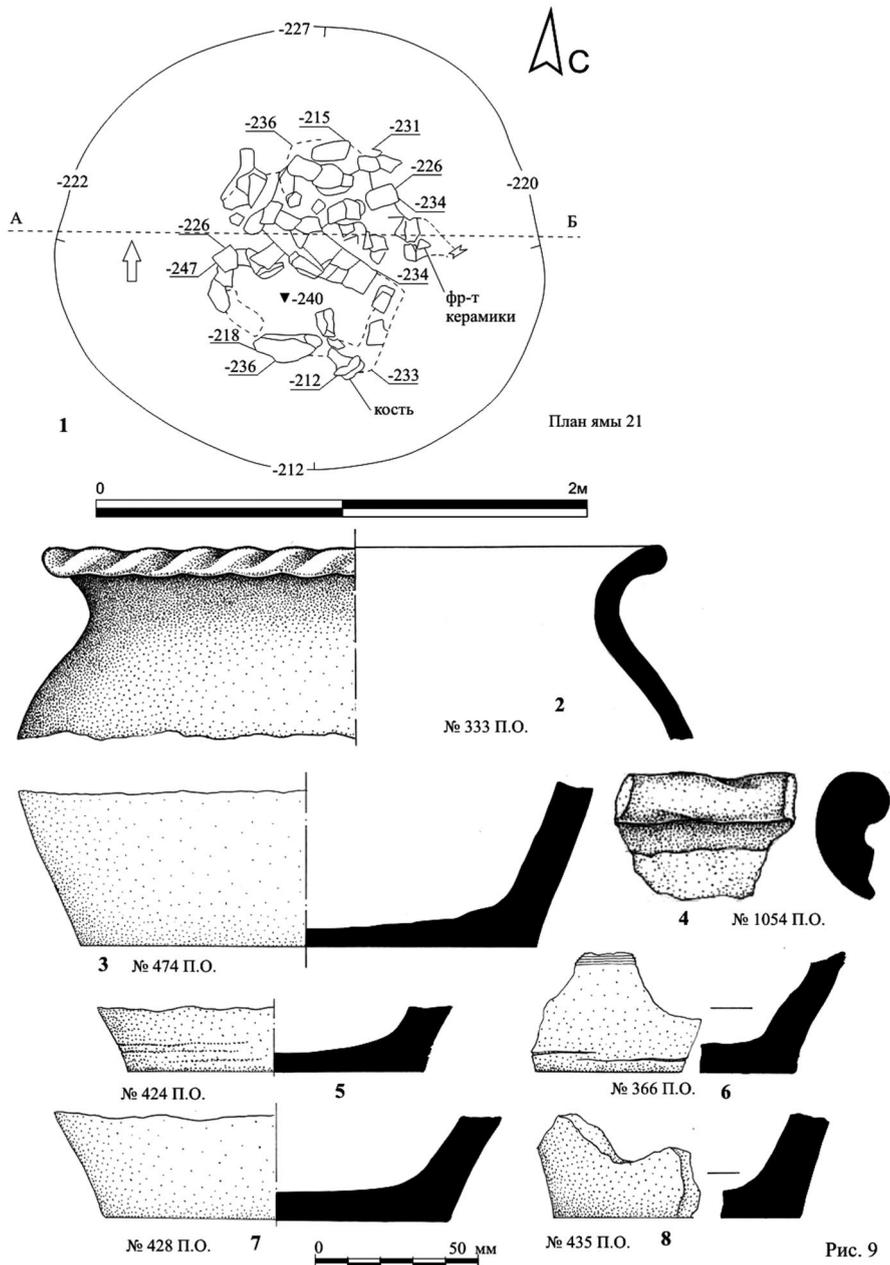


Рис. 9.
Яма 21. План и находки из заполнения.

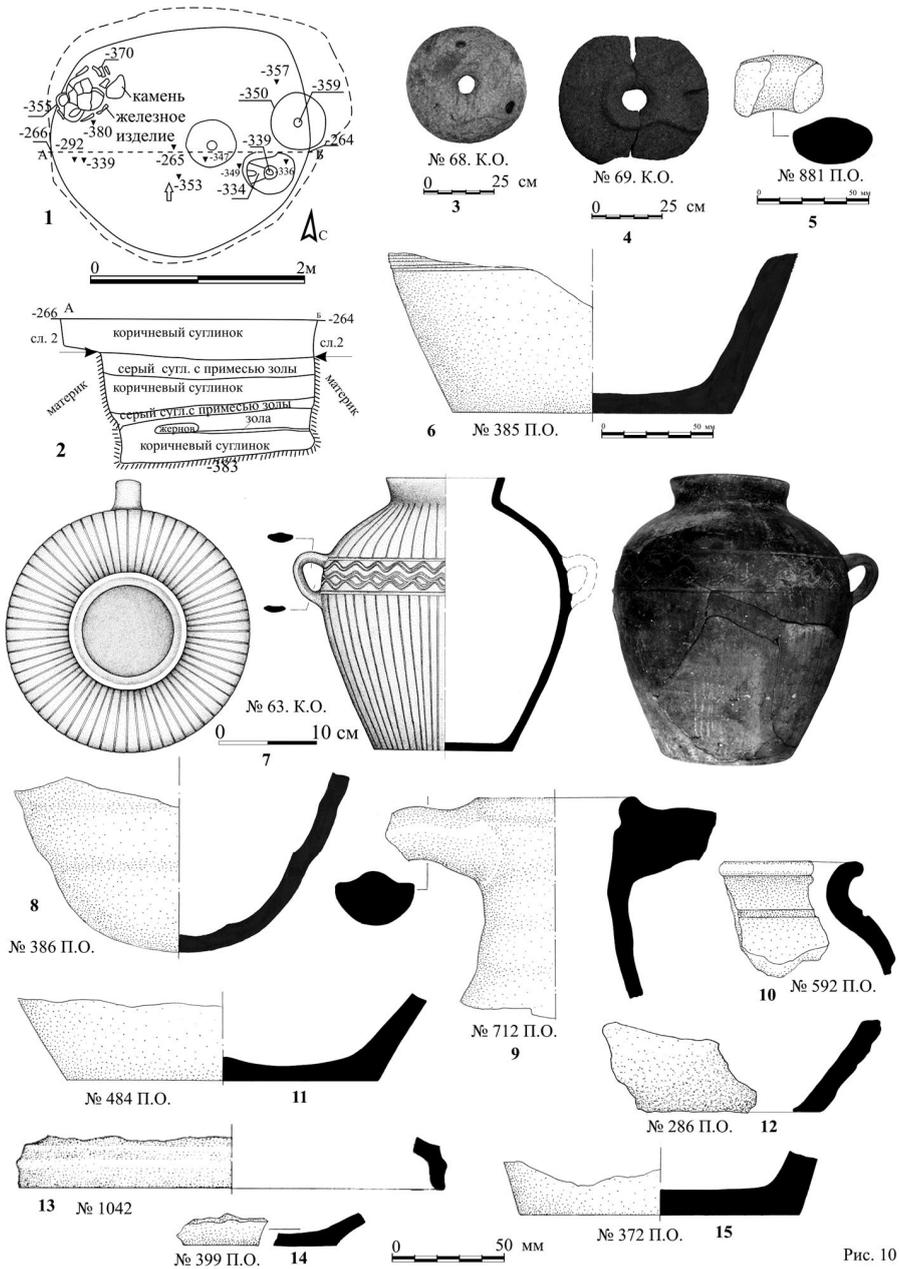


Рис. 10

Рис. 10.

Яма 57. План, разрез и находки из заполнения.

В целом же все найденные на поселении Гора Чиркова 1 жернова относятся, по классификации Р. С. Минасян, к группам I и III, а по классификации В. К. Михеева – к типам IIБ1 и IIБ2 [Минасян, 1978, с. 103–104, 108; Михеев, 1985, с. 50, рис. 28: 8–11; ср.: Горбаненко, Колода, 2010, рис. 8; Горбаненко, Колода, 2013, рис. 66; Квітковський, Пашкевич, Горбаненко, 2011, рис. 5; Колода, Пашкевич, Горбаненко, 2009, с. 91; Свистун, Горбаненко, 2011, рис. 7]. Такие же жернова в большом количестве найдены на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова (см.: [Пономарёв, 2012, с. 68; Пономарёв, 2016, с. 237]). На Таманском полуострове их находки зафиксированы в Таматархе и Фанагории [Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 397, 406; Чхаидзе, 2008, рис. 128: 1].

Помимо жерновов, на уровне пола был зафиксирован развал обломков причерноморской бороздчатой амфоры (рис. 10: 5, 8, 9), под которой находился крупный абразивный камень.

Остальные находки из ямы представлены профильными фрагментами сероглиняной лощеной двуручной корчаги (рис. 10: 7) [Пономарёв, 2014(2), рис. 9: 1; Сокольский, 1963, с. 110–111, рис. 7: 4; Чхаидзе, 2006, с. 493, рис. 10: 8; Плетнёва, 1989, с. 137, тип I, рис. 77, кат. 15; рис. 78, кат. 34], фрагментом тулова сероглиняного лощеного кувшина, фрагментом днища сероглиняного лощеного сосуда, профильными фрагментами салтово-маяцких горшков (рис. 10: 10, 11, 14, 15), фрагментом края салтово-маяцкой миски (рис. 10: 12), фрагментом белоглиняной крышки (рис. 10: 13), а также 99 стенками причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 132 стенками салтово-маяцких горшков (44 из них орнаментированы горизонтальным рифлением, две стенки – волнообразным рифлением), двумя неопределёнными железными предметами, двумя фрагментами бронзового браслета, фрагментом железного шила с остатками деревянной ручки, двумя фрагментами железных накладок, двумя четырехгранными железными гвоздями, медной квадратной пластиной с отверстиями по углам, астрагалом, фрагментом керамического биконического пряслица, скребком из ребра животного, железной иглой, железным крюком, обломком ротационного известнякового жернова, 12 фрагментами сильно коррозированных неопределённых железных изделий, фрагментом обработанной кости, 18 кусками печины и 280 костями животных.

К сожалению, ни в одном из котлованов не были обнаружены остатки хозяйственно-бытовых устройств и конструктивных элементов – лежанок, печей, очагов, ямок для столбов перекрытия, ступеней и полов (ср.: [Виноградов, 2002, с. 74]). Не были зафиксированы в них и фрагменты турлучной обмазки деревянных каркасов стен, находки которых известны на некоторых поселениях «хазарского» времени Правобережной Кубани и степного Предкавказья [Доценко, 2009, с. 109–110; Биджиев, 1989, с. 26–38]. Иными словами, если это и были полуземлянки, то их перекрытия опирались не на каркасно-столбовую (опорно-столбовую) или каркасно-жердевую конструкцию [Квитковский, 2014, с. 449–457], и использовались они исключительно в хозяйственных целях, например – в качестве погребов, подсобных хозяйственно-бытовых помещений и зернохранилищ (ср.: [Красильников, Красильникова, 2010, с. 162–163; Красильников, Красильникова, 2016, с. 29; Колода, Горбаненко, 2010, с. 72, рис. 38; Горбаненко, Колода, 2011, рис. 5: 1; Колода, 2016, с. 135–161]).

Рядом с одним из них, уже упоминавшимся выше котлованом 73, было обнаружено одиночное грунтовое погребение 6, которое, как и захоронения людей и животных в ямах, имело ритуальный характер. Пятно его заполнения прямоугольной в плане формы и размерами 0,6×1,9 м прослежено на глубине 0,4 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. Глубину могильной ямы установить не удалось. Погребенный в ней мужчина был уложен в вытянутом положении на спине головой на запад. Его верхние конечности немного согнуты в локтевых суставах, кисти располагались над тазовыми костями. Кости нижних конечностей немного сведены по направлению к ступням. К сожалению, инвентаря в захоронении не оказалось, поэтому датировано оно было на основании стратиграфических данных, а также позы и ориентировки погребенного, характерных для грунтовых могильников степного ареала салтовомаяцкой культуры [Савченко, 1981, с. 75; см. также: Аксёнов, 2011, с. 257].

Таким образом, поскольку, как уже упоминалось выше, жилых построек в этой части поселения обнаружено не было, можно полагать, что в пределы исследованного участка попала его периферийная часть, где размещались разнообразные хозяйственные комплексы, среди которых преобладали ямы, использовавшиеся

для хранения зерна. Иными словами, ведущее место в хозяйственно-экономической деятельности жителей поселения отводилось пашенному земледелию. Это подтверждают находки в ямах ротационных жерновов и железных серпов⁷. Не менее важную роль играло животноводство: едва ли не в каждой из ям были найдены многочисленные кости домашних животных – крупного и мелкого рогатого скота и лошадей.

Помимо земледелия и животноводства, жители поселения занимались домашними промыслами и ремеслами, базировавшимися на присвоении готовых к использованию биоресурсов или связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции и нерудного и минерального сырья. К их числу, судя по находкам наконечников стрел, копья, пряслиц, изделий из камня, лоцил и скребков из кости, можно с уверенностью отнести охоту, прядение, ткачество, кожевенное, каменотесное, камнерезное и косторезное дело. Спорным пока остается наличие на поселении керамического и металлообрабатывающего производств, поскольку связанных с ними специализированных производственных комплексов обнаружить не удалось.

Таким образом, найденные на поселении изделия из железа и бронзы, а также многочисленная салтово-маяцкая керамика с некоторыми оговорками могут пока что лишь рассматриваться как привозная продукция. Но, откуда она в таком случае поступала, это полная загадка. Впрочем, вне всяких сомнений, керамические и металлообрабатывающие центры могли функционировать не только в крупных городских поселениях Таманского полуострова, но и на их сельской периферии. В этом же регионе, по мнению исследователей, вероятно, располагались гончарные мастерские, в которых изготавливались высокогорлые кувшины с плоской ручкой [Чхидзе, 2008, с. 161–162; Науменко, 2009(2), с. 53]. Что же касается причерноморских амфор, фляг и столовой красноглиняной керамики, то они производились в гончарных центрах византийской Таврики. Отсюда уже вместе с содержимым (вином, оливковым маслом,

⁷ Среди образцов палеоботанического материала при раскопках Таматархи и в полуземлянках на поселении Артющенко I выделены пшеница голозерная мягкая, твердая пшеница и ее полбяная разновидность, ячмень пленчатый, ячмень голозерный, вика посевная, овес, полба двузернянка, горох и виноград [Виноградов, 2013, с. 239; Гольдштейн, Коровина, Финогенова, 1973, с. 105].

уксусом) или как самостоятельные категории товара они доставлялись по морским коммуникациям на Таманский полуостров. На отдаленные сельские поселения этого региона импортная продукция поступала, надо думать, в основном через Таматарху и Фанагорию, где осуществлялись и все крупные торговые операции. Об этом свидетельствуют находки монет VIII–X вв., в том числе византийских солидов, аббасидских дирхемов и фатимидского динара [Гончаров, Чхаидзе, 2005, с. 343–344; Чхаидзе, 2008, с. 234–239; Чхаидзе, Устаева, Шалобудов, 2008, с. 386–387; Чхаидзе, 2012, с. 207–209; Абрамзон, 2013, с. 40–41; Абрамзон, Остапенко, 2016, с. 266–275].

К сожалению, характер торговых операций за пределами крупнейших в этом регионе портовых городов не совсем ясен, но вряд ли они осуществлялись в денежном эквиваленте, поскольку на салтово-маяцких поселениях Таманского полуострова (включая погребальные комплексы) монеты этого времени представлены единичными экземплярами [Чхаидзе, 2008, с. 239; Чхаидзе, 2012, с. 208]. Учитывая специфику хозяйственно-экономического уклада, в обмен на импортные товары в эквивалентном объеме они, скорее всего, могли предложить лишь сельскохозяйственную продукцию, устойчивый и высокий спрос на которую в Византийской империи сохранялся неизменно. Такого рода торговые операции осуществляли и жители поселения Гора Чиркова 1, о чем свидетельствуют многочисленные находки импортной керамики, составляющие едва ли не половину всего археологического материала.

Если о хозяйственно-бытовых и экономических аспектах повседневной жизни жителей поселения, благодаря находкам, удалось составить определенное мнение, то информации об их традиционных верованиях и погребальных обрядах было получено гораздо меньше. Но, впрочем, есть все основания утверждать, что, как и на многих других салтово-маяцких поселениях, в пределах его территории совершались ритуальные одиночные захоронения и жертвоприношения в ямах людей и животных или их частей.

Подобного рода комплексы обнаружены на многих памятниках степного и лесостепного ареалов салтово-маяцкой культуры, и, что особенно важно, они встречаются на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова (Тиритака, Мирмекий, Артезиан, Героевка-2, Эльтиген-Западное, Южно-Чурубашское, Пташкино), геогра-

фически близких поселению Гора Чиркова 1 [Винокуров, Пономарёв, 2016(1), с. 103–107; Винокуров, Пономарёв, 2016(2), с. 206–216; Винокуров, Пономарёв, 2016(4), с. 277–279; Винокуров, Пономарёв, 2017(1), с. 105–148]. Все они, как определили И. П. Русанова и Б. А. Тимощук, могут интерпретироваться как «культовые места... устроенные человеком для жертвоприношения по какому-то определенному поводу и затем оставленные» [Русанова, Тимощук, 2007, с. 25]. Иными словами, обнаруженные на поселении Гора Чиркова 1 ритуальные ямы, после совершения в них жертвоприношения сразу же засыпались. При этом напомним, что в двух из них были принесены в жертву ребенок и мужчина. В третьей яме ритуальное действо обошлось без человеческой жертвы, в качестве дара божеству были принесены голова и часть туши лошади.

Особо отметим скорченное захоронение ребенка (яма 59): жертвенные ритуалы с детьми считались наиболее действенными и благоприятными, а поэтому практиковались с глубокой древности многими народами. Поза, в которой он захоронен, также характерна. На салтово-маяцких поселениях одиночные захоронения мужчин, женщин и детей, уложенных на боку в скорченном положении, обнаружены в ямах рядом с жилищами и в производственных комплексах. Они обычно трактуются как ритуальные жертвоприношения [Красильников, 1976, с. 277–278, рис. 6; Винников, Плетнёва, 1998, с. 112, 120, 203, рис. 46, а; Винников, Афанасьев, 1991, с. 26–27, 100, рис. 13: 1; рис. 42: 1].

В некоторых случаях считалось вполне достаточным принести в жертву отдельные части тела человека. Ярким примером тому служит захоронение в яме 62. Особое значение при этом придавалось черепу (голове). Культ этой части тела как полноценного заместителя существа и средоточия жизни был широко распространен среди салтово-маяцкого населения [Милютин, 1909, с. 158; Аксёнов, 2003, с. 66–67, рис. 1: 1; Михеев, 1985, с. 17, рис. 16: 5; Винокуров, 2004, с. 71–72; Зинько, Пономарёв, 2009, с. 81].

Далеко не последнее место в «кровавых» ритуалах салтово-маяцкого населения занимали лошади (яма 1), которые, как и у многих других земледельческих народов, связывались с солярным и хтоническим культами. На салтово-маяцких поселениях их в виде целых туш и в расчлененном состоянии хоронили в ямах, в домах и производственных комплексах, причем, как считала С. А. Плетнё-

ва, в том числе и в качестве «закладных» («строительных») жертв и оберегов [Винников, Афанасьев, 1991, с. 104; Винников, Плетнёва, 1998, с. 112–114; Плетнёва, 1989, с. 53, рис. 23: 3, 4; Плетнёва, 1996, с. 38, рис. 14, б; Плетнёва, 1999, с. 94–95; Плетнёва, 2004, с. 67; Квитковский, 2011, с. 15].

К сожалению, редко когда удается установить, были ли жертвы умерщвлены насильственно во время обряда (иногда с последующим расчленением), или их смерть наступила до его совершения, в том числе и по естественным причинам. Вероятнее всего, в зависимости от обстоятельств, практиковались оба варианта. Иными словами, ритуальные манипуляции проводились над трупами и живыми людьми и животными, при этом воспринимались они как жертва, способная привлечь внимание богов, или умиловительная и благодарственная жертва. Возможно также, они выступали в роли посредника, посланника, сопровождающего или транспортного средства (в случае ритуального захоронения лошади) в потусторонний мир [Дмитриева, 2000, с. 12].

Однако для каких конкретно целей предназначался тот или иной культовый объект, можно только гадать, поскольку языческие верования и обряды народов салтово-маяцкой культуры практически не отражены в письменных источниках. Тем не менее, учитывая какую роль в их жизни играло земледелие и животноводство, вполне логично предположить, что большая часть этих ритуальных действий была призвана исполнить некие связующие функции между человеческим коллективом и окружающим его миром (природой). В первую очередь эти обряды были связаны с земледельческими и животноводческими культами плодородия, «обеспечивавшими» в языческом сознании жителей поселений не только благосостояние, но и дальнейшее существование общины.

К числу ритуальных комплексов можно отнести и единственное обнаруженное в пределах исследованного участка поселения погребение 6. Подобные одиночные захоронения, которые по каким-то причинам были совершены не на территории могильника, а среди жилых или хозяйственных построек, обнаружены на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова – Артезиан, Осовины-1 и Героевка-6 [Винокуров, Пономарёв, 2016(2), с. 44–50; Винокуров, Пономарёв, 2017(2), с. 11–34]. Такие же погребения зафиксированы на многих памятниках степного и лесостепного ареала

салтово-маяцкой культуры, в том числе Недвиговском, Саркельском, Сидоровском, Верхнесалтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также поселениях в окрестностях с. Жовтневое и ст. Богоявленской, Мохнач-П и Нетайловка-2 [Колода, 2011(2), с. 269]. Их совершали в жилых и хозяйственных сооружениях, в производственных помещениях (в том числе гончарных и металлургических мастерских), а также в хозяйственных ямах, катакомбах и обычных грунтовых могилах рядом с постройками. При этом они отличались не только местом совершения захоронения, но и конструкцией погребальных сооружений, позой и ориентировкой погребенных, степенью сохранности их скелета, разнообразием и богатством погребального инвентаря или его полным отсутствием. Такое многообразие погребальных комплексов, вероятно, следует объяснять влиянием различных факторов, в том числе этнической и семейной принадлежностью, половозрастной градацией погребенных, их социальным статусом и, конечно, обстоятельствами и побуждениями, по которым человека, а иногда и целые семьи, хоронили на территории поселения. Большинство исследователей согласны с тем, что погребения «мирного времени» в жилищах, производственных комплексах и на территории поселений были связаны с обычаями и традициями, сложившимися в рамках сложной системы идеологических представлений того времени. В основной своей массе они, видимо, имели ритуальный характер и совершались в силу различных, иногда тесно связанных между собой причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера [Винников, Афанасьев, 1991, с. 137–138]. Каких именно, на эту тему можно много дискутировать [Плетнёва, 1981(1), с. 71; Плетнёва, 1989, с. 67; Плетнёва, Красильников, 1990, с. 106; Плетнёва, 1996, с. 36; Плетнёва, 2000, с. 90–92; Албегова, Гусаков, 2001, с. 127; Колода, 2011(2), с. 269–270; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 236–237; Юрченко, 2012, с. 159–160]. При этом нельзя исключать неизвестные нам мотивации и факторы, к тому же, как справедливо заметила С. А. Плетнёва, «причины изолированности» этих необычных погребений следует искать применительно к каждому из них отдельно [Плетнёва, 2006, с. 10]. Общим же у них, как нам кажется, может быть только одно, погребенный на поселении, тем более – в жилище, человек наделялся после смерти или был наделен еще при

жизни каким-то особым статусом или положительными, с точки зрения соплеменников, сакральными силами и общественными качествами. Именно такой человек, будь-то ребенок или мужчина либо женщина любой возрастной группы, «удостаивался чести» быть погребенным среди живых. После смерти, исполняя «последнее обязательство» перед общиной, он должен был обеспечить ее защиту от негативного воздействия потусторонних сил или послужить неким передаточным звеном между божествами и миром живых. В целом же эта научная тема находится еще «на стадии накопления материала и индивидуального анализа» и поэтому глубоко и всесторонне не разрабатывалась [Колода, 2011(2), с. 269; Колода, 2012–2013, с. 111; Юрченко, 2012, с. 160]. Таким же образом можно охарактеризовать и состояние изучения салтово-маяцких культовых и ритуальных комплексов, при этом отметим, что для Таманского полуострова они до этого времени выделены не были или, по крайней мере, не публиковались.

В целом же поселение Гора Чиркова 1 вне всяких сомнений может в дальнейшем рассматриваться в качестве одного из эталонных памятников «хазарского» времени в Таманском регионе. При чем этот статус ему позволяют придать не только обнаруженные в процессе его раскопок многочисленные жилые, хозяйственные, ритуальные и погребальные комплексы, но и разнообразная керамика, среди которой, помимо хорошо известных форм сосудов, бытовавших в VIII–X вв., удалось выделить редкие и ранее неизвестные формы.

Литература

- Абрамзон М. Г. Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок // ПИФК. № 2. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2013.
- Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н. Византийские солиды и аббасидский дирхам VIII в. из Фанагории // ПИФК. № 4. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2016.
- Абрамова А. Н. Палеодемографическая характеристика могильника Виноградный-7 // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. Вып. 3. Краснодар, 2015(1).
- Абрамова А. Н. Палеодемографические исследования могильника Виноградный-7 // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. Казань–Болгар, 2015(2).

- Аксёнов В. С. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища // Проблемы історії та археології України. Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції: до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2002 р. Харків, 2003.
- Аксёнов В. С. Погребения с западной ориентировкой Нетайловского грунтового могильника (по материалам 2010 г.) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник 2011. Харьков, 2011.
- Албегова З. Х., Гусаков М. Г. Культурное назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.
- Анфимов Н. В. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. Вып. 49. 1953.
- Апареева Е. К., Красильников К. И. Подворья как признак хозяйственного уклада населения салтово-маяцкой культуры // Археологія і давня історія України. Вип. 5. Київ, 2011.
- Атавин А. Г. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного культурного развития. Эпоха феодализма. Сборник тезисов. М., 1988.
- Атавин А. Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. Вып. 1. М., 1992.
- Атавин А. Г. Историография средневековой Фанагории // ДБ. Т. 13. М., 2009.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Башкиров А. С. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 года // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потёмкина. Т. XIII. Вып. 2. М., 1949.
- Башкиров А. С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. (на территории древнего города Патрэя) // Ученые Записки Ярославского Государственного педагогического института. Вып. XXII (XXXII). Ярославль, 1957.
- Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977.
- Биджиев Х. Х. Раскопки городища Хумара в 1977 году (Предварительная публикация) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979.
- Биджиев Х. Х. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985–1986 гг. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989.
- Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979.

- Биджиев Х. Х., Соволайнен Н. П.* Керамика Хумаринского городища VIII–X вв. н. э. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура. Черкесск, 1982.
- Блаватский В. Д.* Раскопки Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941(1). № 1.
- Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. Вып. XVI. М., 1941(2).
- Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е.* Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж, 1991.
- Винников А. З., Плетнёва С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.
- Виноградов Ю. А.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ЗВОРАО. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002.
- Виноградов Ю. А.* Основные итоги изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ПИФК. № 2(40). Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2013.
- Винокуров Н. И.* Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.) // Хазарский альманах. Т. 14. М., 2016(1).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // ПИФК. № 1. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2016(2).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан // Таврические студии. № 10. Симферополь, 2016(3).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе III в 2002–2010 гг.) // БИ. Вып. XXXIII. Керчь, 2016(4).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Культурные комплексы салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // ПИФК. № 1. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2017(1).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Мертвые среди живых: погребальные салтово-маяцкие комплексы на городище Артезиан // ДБ. Т. 21. М., 2017(2).
- Высотская Т. Н.* Игрушки и игры поздних скифов // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

- Гадло А. В. Городище Казар-Кала (к вопросу о хазарской культуре в Северном Дагестане) // КСИА. Вып. 144. 1975.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25. 1952. (Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.).
- Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. II. М., 1870.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // ПИФК. № 2(40). Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2013.
- Гольдштейн Ф. М., Коровина А. К., Финогенова С. И. Раскопки Тмутаракани – Гермонассы // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
- Гончаров Е. Ю., Чхаидзе В. Н. Находки средневековых монет на территории Таманского полуострова // МИАК. Вып. 5. Краснодар, 2005.
- Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільске господарство мешканців поселення Верхній Салтів // Археологія. 2010. № 1.
- Горбаненко С. А., Колода В. В. Обобщающий анализ сельского хозяйства носителей салтовской культуры // Матеріали і дослідження по археології Східної України. Вип 11. Луганськ, 2011.
- Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільске господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. Київ, 2013.
- Горлов Ю. В., Чхаидзе В. Н. Средневековое поселение Веселовка 2 на Таманском полуострове // ДБ. Т. 12. Ч. I. М., 2008.
- Горлов В. А., Шувалов Н. В. Исследования средневековых слоев Фанагории (по материалам раскопок «Верхнего города» в 2008–2012 гг.) // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы II международной конференции молодых ученых (Москва, 19–21 марта 2013 г.). М., 2013.
- Дмитриева Т. Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней ('ЕРМНЕІ'А 2). М., 2000.
- Долгоруков В. С. Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. Вып. 143. 1975.
- Доценко И. В. Строительные остатки из культурного слоя раннесредневекового поселения «Ханьков-1» // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- Зиливинская Э. Д. Археологические исследования поселения и могильника у пос. Солёный на Тамани в 2015–2016 гг. // IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна (г. Бахчисарай, 8–9 сентября 2015 г.). Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2016.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Т. III. Керчь, 1999.

- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5 / при участии А. К. Каспарова, В. Е. Науменко, Д. Ю. Пономарёва, И. А. Пономарёвой, А. В. Поротова. Симферополь–Керчь, 2009.
- Ильина Т. А., Чхаидзе В. Н.* Результаты исследований Таманского городища (по материалам 2005–2012 гг.) // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013.
- Кашаев С. В.* Исследования поселения Вышестеблиевская-11 в 2006 г. // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике. Ч. 1. М., 2008(1).
- Кашаев С. В.* Исследования поселения Вышестеблиевская-11 в 2007 г. // Материалы Пятнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., 2008(2).
- Кашаев С. В.* Работы Таманского отряда на поселении Вышестеблиевская-11 в 2008 г. // Материалы Шестнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 3. М., 2009.
- Квитковский В. И.* Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования) // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Вип. 1. Харків, 2011.
- Квитковский В. И.* К вопросу о конструкциях стен в жилищах салтово-маяцкой культуры лесостепного Подонцовья // Верхнедонской археологический сборник. Вип. 6. Липецк, 2014.
- Квітковський В. І., Пашкевич Г. О., Горбаненко С. А.* Матеріали з рільництва жителів поселення П'ятницьке I // Археологія. 2011. № 3.
- Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. Вип. XXXVII. 1951.
- Кобылина М. М.* Фанагория // МИА. № 57 (Фанагория). 1956.
- Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИА. Вип. 95. 1963.
- Кобылина М. М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Колода В. В.* Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
- Колода В. В.* Житло зі схованкою речей на городищі Мохнач // Археологія. 2011(1). № 4.
- Колода В. В.* К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вип. 10. Харьков, 2011(2).
- Колода В. В.* Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // Хазарский альманах. Т. 11. Киев–Харьков, 2012–2013.
- Колода В. В.* Хозяйственные комплексы салтовского времени на селище Мохнач-П // Хазарский альманах. Т. 14. М., 2016.

- Колода В. В., Горбаненко С. А.* Сельское хозяйство носителей салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне. Киев, 2010.
- Колода В. В., Пашкевич Г. О., Горбаненко С. А.* Землеробство жителів городища Мохнач (часів салтівської культури) // Археологія. 2009. № 2.
- Кравченко Э. Е., Давыденко В. В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
- Кравченко Э. Е.* Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 3. Киев–Харьков, 2004.
- Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В., Петренко А. Н., Давыденко В. В.* Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005.
- Красильников К. И.* Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3.
- Красильников К. И., Красильникова Т. И.* Идентифицирующие признаки населения степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары: миф и история. Москва–Иерусалим, 2010.
- Красильников К. И., Красильникова Т. И.* О зернопроизводстве праболгар салтово-маяцкой культуры в степном Подонцовье // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф. Ш. Хузина. Казань, 2016.
- Кузнецов В. Д.* Раннесредневековый дом в Фанагории // ДБ. Т. 20. М., 2016.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. № 1. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2010.
- Лавриненко И. В.* О крымском керамическом импорте на Средней Кубани в эпоху раннего средневековья // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
- Ляпушкин И. И.* Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6.
- Майко В. В.* Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. Т. 7. В. Търново, 2000.
- Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004.
- Майко В. В.* К вопросу о причинах смены материальной культуры на Таманском полуострове в середине X в. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- Майко В. В.* Праболгарские памятники юго-восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновський збірник. Т. V. Харків–Софія, 2012.

- Майко В. В. Лощеная оранжевоглиняная керамика салтовцев Таманского полуострова // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013.
- Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское» // Таврические студии. № 10. Симферополь, 2016.
- Марченко И. И., Бочковой В. В., Кононов В. Ю. Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // МИАК. Вып. 7. Краснодар, 2007.
- Милютин А. И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // ИАК. Вып. 29. СПб., 1909.
- Минасян Р. С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) // СА. 1978. № 3.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Міхеєв В. К., Степанська Р. Б., Фомін Л. Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. 1973. № 9.
- Науменко В. Е. Амфоры // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009(1).
- Науменко В. Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009(2).
- Науменко В. Е. Фляги // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009(3).
- Науменко В. Е. Столовая посуда // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009(4).
- Нидзельницькая Л. Ю. Кулаков А. А. Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону // Хазарские древности. Аксай, 2013.
- Николаева Э. Я. Раскопки городища Кепы в 1964 г. // КСИА. Вып. 109. 1967.
- Николаева Э. Я. Поселение у д. Ильич // КСИА. Вып. 168. 1981.
- Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. Вып. 188. 1986.
- Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196. 1989.
- Паромов Я. М., Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. Вып. 1. М., 1992.
- Паромов Я. М. Хазарский период (VIII – начало X в.) / Поселения и дороги на Таманском полуострове в VIII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье IV–XIII века. М., 2003 (Археология).

- Плетнёва С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. 1967.
- Плетнёва С. А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Плетнёва С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981(1) (Археология СССР).
- Плетнёва С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София, 1981(2).
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.
- Плетнёва С. А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996.
- Плетнёва С. А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. № 1. Казань, 1997.
- Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии. Москва–Иерусалим, 1999.
- Плетнёва С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учебное пособие. Воронеж, 2003(1).
- Плетнёва С. А. Таматарха-Тмутаракань / Города Таманского полуострова в VIII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М., 2003(2) (Археология).
- Плетнёва С. А. Фанагория / Города Таманского полуострова в VIII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М., 2003(3) (Археология).
- Плетнёва С. А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // Природа. № 9(1069). М., 2004.
- Плетнёва С. А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) / МАИЭТ. Supplementum 1. Симферополь, 2006.
- Плетнёва С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.
- Пономарёв Л. Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Вып. III. Симферополь, 2003.
- Пономарёв Л. Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, 2012.
- Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкие горшки из поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. Донецк, 2014(1).

- Пономарёв Л. Ю.* Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло в 1963 г.) // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь, 2014(2).
- Пономарёв Л. Ю.* Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок с салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // История и археология Крыма. Вып. III. Симферополь, 2016.
- Пономарёв Л. Ю., Пономарёва И. А.* Редкие формы салтово-маяцкой nelloщенной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев–Судак, 2010.
- Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
- Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М., 2007.
- Савченко Е. И.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. 1. М., 1986.
- Сазанов А. В.* Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. Вып. V. Москва–Магнитогорск, 1998.
- Свистун Г. Е.* О некоторых случайных находках салтово-маяцких керамических сосудов в Чугуевском районе Харьковской области // Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 18. Харьков, 2016.
- Свистун Г. Е., Горбаненко С. А.* Потребительские предпочтения продуктов земледелия как проявление градообразующих тенденций на примере Чугуевского городища салтово-маяцкого времени // Материалы I Международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы». Брянск, 2011.
- Сокольский Н. И.* Кепы // Античный город. М., 1963(1).
- Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963(2). № 1.
- Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. Вып. 103. 1965.
- Сокольский Н. И.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4.
- Сорокина Н. П.* Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. М., 1969.
- Стадник О. В., Стадник А. И.* Батыр – памятник раннего средневековья в Степном Подонцовье // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 10. Донецьк, 2009.
- Стручалина Р. А.* Некоторые итоги раскопок городища Патрэй (По материалам археологических исследований 1968–1969 гг.) // Античный мир и археология. Вып. 1. Саратов, 1972.

- Сударев Н. И. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // БС. Вып. 4. М., 1994.
- Сударев Н. И., Майко В. В. Археологические исследования Таматархи-Тмутаракани 2012 г. Стратиграфия и хронология комплексов // История и археология Крыма. Вып. II. Симферополь, 2015.
- Сударев Н. И., Кашаев С. В. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016.
- Супренков А. А. Поселение Гора Чиркова 1 – история исследований и новейшие раскопки // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016.
- Тарабанов В. А. Поселения болгар на правобережье Кубани // Древности Кубани и Черноморья. *Studia Pontocausica*, I. Краснодар, 1993.
- Тарабанов В. А. Поселение салтово-маяцкой культуры на правобережье Кубани близ станицы Васюринской // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир–Москва, 1997.
- Таскаев В. Н., Чхаидзе В. Н. Подводный комплекс раннесредневековых амфор из Кеп // ДБ. Т. 11. М., 2007.
- Тесленко И. Б., Телиженко С. А. Исследования средневекового поселения на мысе Сотера (предварительные итоги работ 2004, 2008–2013 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной / Археологический альманах. № 33. Киев, 2015.
- Толстыкин П. В. Античный полис Кепы – памятник археологии в Таманском заливе // Вопросы подводной археологии. М., 2014.
- Фанагория. Альбом / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М., 2015.
- Флёров В. С. Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София, 1981.
- Флёров В. С. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Чхаидзе В. Н. Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // ДБ. Т. 8. М., 2005.
- Чхаидзе В. Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. Т. 10. М., 2006.
- Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
- Чхаидзе В. Н. Таманское городище. Строительная техника и строительные материалы VII–X вв. // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009.

- Чхаидзе В. Н. Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // МИАСК. Вып. 12. Армавир, 2011.
- Чхаидзе В. Н. К вопросу о присутствии протоболгар на территории Таманского полуострова в конце VI – начале VII вв. и о «столице» Великой Булгарии – Фанагории // Дриновський збірник. Т. V. Харків–Софія, 2012(1).
- Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012(2).
- Чхаидзе В. Н., Таскаев В. Н., Толстыкин П. В. Памятники подводной археологии из городища Кепы // Патрей. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 2007.
- Чхаидзе В. Н., Устаева Э. Р., Шалобудов В. Н. Золотые византийские монеты из раскопок Таманского городища // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. М., 2008.
- Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. // КСИИМК. Вып. LVIII. 1955.
- Шрамко Б. А. Кераміка салтівської культури // Учені записки ХДУ ім. О. М. Горького. Т. 100 / Труды історичного факультету. Т. 7. Харків, 1959.
- Шрамко Б. А. Точильні знаряддя скіфської доби // Археологія. 1973. № 11.
- Юрченко А. В. До питання про поховання на поселеннях салтівської культури (лісостеповий варіант) // Сумський історико-архівний журнал. № XVI–XVII. Суми, 2012.
- Kashaev S. V. Excavations of the Settlements Artyushchenko-2 and Vyshesteblievskaya-11 by the Taman Detachment // Hyperboreus. Vol. 11. Fasc. 2. SPb., 2005.

Список сокращений

- БИ – Боспорские исследования
 БС – Боспорский сборник
 ДБ – Древности Боспора
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества
 ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
 ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
 СА – Советская археология

А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарёв

Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове
(краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.)

Резюме

В статье приведен краткий обзор результатов раскопок салтово-маяцкого поселения Гора Чиркова 1. Поселение расположено в юго-западной части Таманского полуострова и исследуется с 2001 г. В 2015 г. в северной его части на территории 25 000 кв. м были выявлены разнообразные хозяйственные и ритуальные комплексы, датированные VIII – первой половиной X в. Большая часть из них представлена разрушенными ямами для хранения зерна и полуземлянками, назначение которых установить не удалось. К ритуальным комплексам относятся одиночное захоронение мужчины и жертвоприношения людей и животных. Совершены они были в специально вырытых для этих целей ямах и заброшенных ямах-зернохранилищах. Жертвоприношения, видимо, были связаны с земледельческим и скотоводческим культом плодородия. Захоронения на салтово-маяцких поселениях совершались по причинам культурно-религиозного, политического, социально-экономического и общественного характера.

Ключевые слова: Таманский полуостров, поселение Гора Чиркова 1, погребальные комплексы, ритуальные комплексы, салтово-маяцкое поселение.

A. A. Suprenkov, V. E. Naumenko, L. Y. Ponomarev

Settlement VIII–X centuries Mount Chirkov 1 on the Taman Peninsula
(an overview of the results of the excavations in 2015)

Summary

The article provides a brief overview of the results of excavations Saltovo-Mayaki settlement Mountain Chirkov 1. Settlement is located in the southwestern part of the Taman peninsula and studied since 2001. In 2015, in the northern part of the territory of 25 000 square meters have been identified a variety of economic and ritual complexes, dated VIII – the first half of X century. Most of them are represented by the destroyed wells for storage of grain and huts, the purpose of which has not been established. By the ritual burial complexes are single men and the sacrifice of humans and animals. Committed they were in a specially dug for this purpose wells and abandoned wells, granaries. Sacrifice seems to have been associated with agricultural and pastoral cult of fertility. Burial at Saltovo-Mayaki settlements were made for reasons of cultural, religious, political, socio-economic and social nature.

Keywords: Taman Peninsula, the settlement Mount Chirkov 1, burial complexes, ritual complexes, saltovo-mayaki settlement.